

РАЗРАБОТКА БИОГРАФИИ ПУШКИНА

Обзор Б. Казанского

Период 1917—1933 гг. занимает в истории пушкиноведения совершенно исключительное место по обилию вовлеченного за эти годы в исследовательский обиход документально-биографического материала. Открылись наконец жандармские тайны, стали доступны правительственные архивы, сделались народным достоянием многочисленные частные собрания, выявились во множестве отдельные письма, дневники, воспоминания, альбомы, лежавшие под спудом. Вместе с тем стало возможным опубликование многого, что оставалось под запретом царской цензуры или не укладывалось в рамки убеждений пушкинистов старого времени. С другой стороны, расширился кругозор, а главное конечно коренным образом изменился угол зрения, под которым шло изучение, истолкование и даже собиранье материала. Главнейшими моментами здесь было открытие архивов III Отделения (и его секретного фонда), Главного управления цензуры, новороссийского генерал-губернатора, Московской консистории, Петербургского градоначальства, дел верховного суда о восстании декабристов, собраний Бартенева, Онегина, Анненкова, Лонгинова, Соболевского, Юсупова, Толя, семейных бумаг Пушкиных, Гончаровых, Воронцовых, Аксаковых, Бестужевых и др.

I. МАТЕРИАЛЫ

Во главу новых источников надо поставить конечно документы, исходящие от самого Пушкина. Впервые полностью, критически и с комментариями издан драгоценный дневник Пушкина 1833—1835 гг., ставший наконец народным достоянием (он передан внуком поэта А. А. Пушкиным Румянцевскому Музею в Москве в 1921 г.). Дневник издан почти одновременно в двух изданиях, в Ленинграде Б. Л. Модзалевским¹ и в Москве В. Ф. Саводником и М. Н. Сперанским². В отношении пушкинского текста оба издания почти безукоризненны, в каждом остались непрочтенными или прочтены неверно 2—3 слова. Комментарий в обоих очень обстоятельный; у Модзалевского сухой, но с большой полнотой данных, множеством умело подобранных высказываний современников и библиографических указаний; у В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского преобладает собственное изложение, переходящее порой в самостоятельное исследование, но использованный материал иногда значительно уже, библиография менее полна, некоторые имена и факты разъяснены неверно или оставлены без разъяснения. Оба издания являются настоящими энциклопедиями по жизни (особенно светской и придворной) Пушкина этих лет. Достаточно сказать, что в дневнике упоминается около 200 современников Пушкина. Об обстоятельности комментария можно судить по тому, что текст дневника занимает 26 страниц (в московском издании 43), а комментарий—224 страницы (в московском издании даже 468).

Другим автобиографическим документом является листок кишиневского дневника (первой половины 1821 г.) из собрания А. Ф. Онегина, опубликованный Модзалевским (без комментария)³ и содержащий ценные указания: о вступлении Пушкина в масонскую ложу 4/V 1821 г., о письме его Гречу (это письмо неизвестно) с протестом против напечатания его письма «к В. Л.» (указание, почему-то неиспользованное Модзалевским в его издании «Писем» Пушкина, I, 224) и кн. Ипсиланти (это письмо неизвестно), о посещении Пушкина Пуциным, Алексеевым и Пестелем 26/V 1821 г. и др.

Б. Л. Модзалевский⁴ нашел в архиве III Отделения справку о Мицкевиче от 7/I 1828 г., написанную рукой Пушкина и составленную с целью поддержать ходатайство польского поэта о возвращении на родину; а Б. В. Томашевский⁵ издал записку Пушкина, излагающую идеи Сен-Пьера о вечном мире, которыми, по свидетельству Е. Н. Раевской-Орловой, поэт увлекался в Кишиневе.

Из мелочей можно отметить надписи Пушкина—на книге ⁶, обращенную к Ушаковой 21/IX 1827 г., и на пригласительном билете на собственную свадьбу, адресованную Нащокину ⁷: «от автора», а также и автограф стих. «Если жизнь тебя обманет» в альбоме Е. А. Сушковой-Ладьяженской ⁸, при чем дата его—7/IV 1835 г.—показывает, что поэт написал его, будучи у нее с визитом в первый день пасхи.

Очень любопытным материалом является рассказ Пушкина в передаче Нащокина, записанный Бартеневым и имеющий содержанием необыкновенное любовное приключение Пушкина, которое М. А. Цявловский ⁹ относит к гр. Фикельмон. Опубликованная Модзалевским запись Анненкова со слов Данзаса о «жаркой истории с женой австр. посланника» («Пушкин», 1930, стр. 341) подтверждает это предположение. К сожалению облик этой красавицы и ее отношения к Пушкину остаются до сих пор в тени. Л. П. Гроссман ¹⁰ видит в этом рассказе просто образец «устной новеллы» Пушкина. Другой рассказ, отысканный Н. О. Лернером ¹¹, может быть представлять какое-то недоразумение, уже по одному тому, что он передает о встрече Пушкина с каторжниками на Тобольской (?) дороге.

Очень своеобразный и еще недостаточно оцененный биографический материал представляют рисунки Пушкина. Многие из них—автопортреты, женские и мужские профили, женские ножки и т. п.—воспроизводились издавна, большей частью в качестве иллюстраций к любовной стороне жизни Пушкина. Пример значительного смысла впервые показан был Венгеровым (1908 г.), воспроизведшим знаменитый пушкинский рисунок, изображающий виселицу декабристов. А. М. Эфрос ¹² издал еще два наброска на ту же тему и еще два, изображающие одного (себя самого?) и трех повешенных, а также ряд других рисунков поэта—портретов (Колосовой, Семеновой, членов «Зеленой лампы», Ипсиланти, Грибоедова, Мицкевича, А. Раевского, Вольтера, Карамзина, Мирабо и др.), автопортретов, пейзажей, жанровых сцен и пр., впервые снабдив их комментариями и предпослав им блестящий очерк, посвященный генезису и характеристике пушкинской графики ¹². Этим положено наконец начало критическому пониманию и использованию этого нового материала, обещающего быть очень плодотворным. Кое-какие рисунки кратко прокомментировал Н. О. Лернер ¹³. Чрезвычайно интересный рисунок, изданный им же ¹⁴ и изображающий Кюхельбекера и Рылеева на Сенатской площади, вызывает однако основательные сомнения А. М. Эфроса ¹⁵ в принадлежности их Пушкину, и действительно против этого говорят как манера трактовки, так и карикатурный характер этого рисунка.

Располагая письма, дневники, воспоминания современников и другие документы в хронологическом порядке моментов жизни Пушкина, которых они касаются, можно видеть, что львиная доля их приходится на последние годы и даже месяцы жизни поэта; остальные периоды представлены новым материалом сравнительно скудно. Для ранних лет имеем только заметки С. Л. Пушкина ¹⁶, для лицезрения — замечания Малиновского на полях статьи Бартенева ¹⁷ и лицейские эпиграммы, из которых одна (на Александра I) даже приписывается Н. В. Измайловым ¹⁸ Пушкину, что доказывало бы, что поэт относился отрицательно к царю уже очень рано—в 1814 г.; для первого петербургского периода—запись М. Я. Чаадаева в дневнике 1857 г., будто стихи к портрету Чаадаева «сочинил, если не ошибаюсь, Вьельгорский» (что весьма мало вероятно) ¹⁹, и несколько кратких упоминаний в дневнике В. Д. Олсуфьева 1818—1820 гг. о встречах с Пушкиным ²⁰; протоколы «Зеленой лампы», интересные для характеристики этого общества, не включают ничего, относящегося к Пушкину ²¹. Важным документом, освещающим по-иному удаление Пушкина на юг, является найденная Ю. Г. Оксманом в архиве министерства внутренних дел ²², секретная депеша гр. Каподистрии к ген. Инзову с предложением взять на себя должность наместника Бессарабии. Эту депешу и должен был отвезти Пушкин Инзову в качестве дипломатического курьера (в тексте повидимому опечатка: *un courier* вместо *en courier*), что было лестным для молодого и опального поэта и к тому же обеспечивало ему доброе отношение со стороны Инзова. Это отношение сказалось уже в ответном письме Инзова 21/V 1821 г., содержащем очень благожелательный отзыв его о Пушкине и найденном там же ²³.

Мелкие детали о внешности Пушкина в кишиневский период сообщил Гершензон ²⁴ по воспоминаниям своего дяди.

Значительно богаче одесский материал. Мы располагаем здесь теперь очень ценными письмами Воронцова к П. Д. Киселеву от 6/III 1824 г. ²⁵, А. Я. Булгакову ²⁶ от 24/X 1824 и Лонгинову от 8/IV 1829 г., 4/V 1824 г., освещающими его отношение к Пушкину и обстоятельства, связанные с высылкой его в Михайловское ²⁷. Оказывается, что Воронцову ставили в упрек в Петербурге, будто на

его назначения имеют влияние Пушкин и А. Раевский; в оправдание он дает бывшие уже известными пренебрежительный (но не отрицательный!) отзыв о первом и явно враждебный о втором. Это дает основание А. А. Сиверсу высказать предположение, что отношения наместника и Пушкина должны быть пересмотрены. Письмо к Булгакову любопытно сообщением о стараниях кн. В. Ф. Вяземского устроить бегство Пушкина за границу. Чтения и переводы французского текста здесь не всегда верны: que le climat d'Odessa n'étoit que (вместо *pas* конечно) *bon pour ses enfants*—что климат Одессы благоприятен только (вместо «неблагоприятен») для ее детей; «Vous savez rien? Rien и очень знаю, что...» явно ошибочно. Очень ценен также ряд документов из б. архива одесского генерал-губернатора—письмо Воронцова к Нессельроде от 28/III 1824 г. (текст его был давно опубликован, но подлинник дает несколько вычеркнутых выражений, оставшихся неизвестными и характерных для отношения наместника к поэту); приказ от 22/V 1824 г. о командировании Пушкина в районы, пострадавшие от саранчи; прошение Пушкина Александру I об отставке и сопроводительное письмо Воронцова к Нессельроде; справка о средствах существования поэта; ответ Нессельроде от 11/VII 1824 г. с сообщением о решении императора—гораздо более тяжелого для Пушкина, чем то, которого добивался Воронцов; подписка Пушкина о немедленном выезде в с. Михайловское; письмо Нессельроде эстляндскому генерал-губернатору о ссылке поэта под его надзор. Из этой переписки явствует, что министр иностранных дел изложил императору дело в еще более невыгодном для Пушкина свете, чем того хотел Воронцов, и что Александр со своей стороны проявил в данном случае по отношению к поэту свойственную ему злопамятность. В связи с этим П. Е. Щеголев приводит любопытное замечание из неопубликованных записок барона Боденора о Воронцовых, которое говорит за то, что враждебность Воронцова к Пушкину происходила не от ревности мужа («Жр. архив», т. 38, 1930).

Краткие упоминания о Пушкине имеются и в переписке А. Бестужева 1821—1825 гг., в записке его о поездке в Москву 1823 г. и в памятной книжке 1824 г.²⁸, в письмах Рыльева к Туманскому от 3/X 1833 г. (с просьбой к Пушкину)²⁹, Воейкова к Языкову (1824 г.)³⁰, Дельвига к невесте и родителям (лето 1825 г.)³¹, Жуковского к Гнедичу³². Своеобразный материал представляет и пушкинский фольклор, собранный в Псковской губ.³³ Важные подробности оказались выпущенными в прежних изданиях записок декабриста Лорера³⁴. Он сообщает, что Пуштин, отправляясь из Москвы для участия в декабрьском восстании, вызывал в Петербург и Пушкина. Это дает объяснение эпизоду неудачного выезда Пушкина из Михайловского 11—12 декабря, внушавшему недоумения. Интересно и сообщение, что Пушкин отправил свое «Послание» в Сибирь с каким-то купцом. Лорер передает также рассказ Л. С. Пушкина о вызове поэта к Николаю I в Москву³⁵. На полях рукописи имеются замечания, подтверждающие или опровергающие изложение Лорера и принадлежащие Юзефовичу³⁶ (М. Нечкина первоначально приписывала их ген. Д. Е. Сакену).

Чрезвычайно ценны собранные М. В. Нечкиной извлечения из показаний декабристов перед следственной комиссией, которые красноречиво показывают влияние поэзии Пушкина на декабристов и использование ее ими в целях пропаганды³⁷.

Очень значительны новые материалы о положении Пушкина после декабрьского восстания: письмо эстляндского генерал-губернатора Пауллучи от 30/VI 1826 г. к гр. Нессельроде по поводу просьбы Пушкина о разрешении выехать из Михайловского для лечения, с хорошим отзывом о поэте, но с мнением не предоставлять ему выезда за границу (с приложением медицинского свидетельства Псковской врачебной управы)³⁸, донесения агента Бошняка о поведении Пушкина в Михайловском³⁹, резолюция Николая I от 27/VIII 1826 г. о вызове поэта в Москву, распоряжение начальника Главного штаба псковскому губернатору о том же от 31/VIII 1826 г., ответ последнего от 4/IX 1826 г. о том, что Пушкин выезжает в тот же вечер, рапорт дежурного генерала от 8/IX 1826 г. о прибытии Пушкина с пометой Дибича о приказании Николая I доставить Пушкина к нему к 4 ч. дня, справка канцелярии от 21/XI 1826 г. об оставлении его в Москве⁴⁰, помета секретаря Комиссии прошений Логинова от 30/I 1827 г. на просьбе Н. О. Пушкиной о прощении поэта (поданной еще в августе 1826 г.), что высочайшего соизволения не последовало (!)⁴¹. Таким образом благородная милость Николая I к опальному поэту оказывается просто лицемерием. Более поздние документы, обнаруженные в архиве III Отделения, показывают, что царь не изменил своего отношения к Пушкину и впоследствии. Таковы выдержки из писем С. Л. Пушкина, перлюстрированных полицией, записка Булгарина «О начале собраний литературных», донесение

тайного надзора о кн. Голицыной, записка Фока ⁴², донесения московской полиции о приездах и отъездах Пушкина в 1829—1832 гг. ⁴³ и др.

К тому же периоду относятся письма О. М. Сомова к Н. М. Рылеевой от 18/III и 4/VIII 1827 г., в которых речь идет о гонимом, полученном Пушкиным от Рылеева за стихи, предназначенные для «Звездочки», и возвращенном Пушкиным в виду того, что альманах был сожжен ⁴⁴; замечательны воспоминания Нащокина (в записях Бартенева ⁴⁵) о различных эпизодах жизни Пушкина, в том числе подробности отношений его с двором, ухаживаний царя за Н. Н. Пушкиной, отношения к Дантесу, и о дуэли и смерти; черточка к характеристике Пушкина, сообщенная со слов крепостной Нащокина ⁴⁶; ценные отзывы и биографические данные в письмах Соболевского Лонгинову ⁴⁷; бесхитростные воспоминания старицких старожилов о посещениях Пушкиным имения Вульфов ⁴⁸; интересное письмо Вяземского к жене (1828 г.), рассказывающее между прочим о прогулке его с Пушкиным на валу Петропавловской крепости, во время которой они вспоминали о погибших декабристах ⁴⁹; сообщение Н. Д. Быкова, переданное Железновым (но опущенное в издании его записок) и дающее понять, что Пушкин сам уклонился от женитьбы на Олениной ⁵⁰; выдержка из письма И. Киреевского от 29/I 1829 г. с упоминанием о встречах с Пушкиным на обеде у З. Волконской и с восторженным отзывом о поэте ⁵¹; воспоминание В. Н. Григорьева о встрече с Пушкиным у Дельвига ⁵²; письмо К. И. Савостьянова В. П. Горчакову (1850 г.?) с воспоминаниями о встречах с Пушкиным в Тифлисе в 1829 г. (о празднестве в честь Пушкина и венчании поэта лаврами) и на почтовой станции в Шашках в 1833 г. ⁵³; письмо Юзефовича Бартеневу от 16/XI 1866 г. с характеристикой Пушкина ⁵⁴; любопытные впечатления англичанина Рэйкса о встречах с Пушкиным в 1829/30 г. ⁵⁵; обнаруженная Б. В. Томашевским запись П. А. Осиповой в календаре 7—10/III 1830 г., что Пушкин пробыл у Вульфов проездом в Москву три дня ⁵⁶, опровергающее традиционное мнение, будто Пушкин стремительно поехал в Москву, услышав об ухаживании Мещерского за Н. Н. Гончаровой; очень живые и откровенные воспоминания А. О. Россет-Смирновой в записи Полонского ⁵⁷, конверт, адресованный Николаем I к А. О. Россет, с пометкой последней, что в этом конверте царь прислал ей просмотренную им рукопись 7-й главы «Онегина» для передачи Пушкину ⁵⁸; письмо Н. П. Озеровой к С. А. Энгельгардт от 4/V 1830 г., передающее интересные впечатления ее об отношениях Пушкина и Н. Н. Гончаровой в театре ⁵⁹; записка Корнильева Пушкину (август 1830 г.) с выражением соболезнования о смерти В. Л. Пушкина ⁶⁰; отзыв Соболевского в письме Шевыреву от 30/VIII 1830 г. о предполагаемой женитьбе Пушкина ⁶¹; письмо Е. А. Баратынской Д. Н. Свербеёву от 9/XII 1830 г. с сообщением о приезде Пушкина в Москву ⁶²; сообщение П. Киреевского (в записи Бартенева) о мальчишнике Пушкина ⁶³; сообщение Н. В. Лазарева в письме Великопольскому от 14/II 1831 г. о встрече с Пушкиным и о предстоящей «завтра» свадьбе ⁶⁴; письмо кн. В. Н. Репниной к матери от 23/XII 1831 г. с отзывом о Н. Н. Пушкиной, которую видела на придворном бале 19/XII 1831 г.; воспоминание М. Е. Лобанова о литературном обеде с участием Пушкина по случаю новоселья книжной лавки Смирдина ⁶⁵; воспоминание О. Бодянского о посещении им Пушкина в Петербурге ⁶⁶; биография Гнедича, составленная Лобановым, с упоминанием Пушкина в числе несших гроб на кладбище 6/II 1833 г. и подписавших пожертвование на памятник ему ⁶⁸; записка А. И. Хмельницкого Пушкину с просьбой о ссуде ⁶⁹; записка Шаликова Пушкину ⁷⁰; французское письмо, подписанное С. Р., с выражением благодарности за помощь ⁷¹; письмо свящ. Виноградова Пушкину от 8/I 1834 г. с просьбой заступиться за него перед благочинным ⁷²; письма С. Н. Карамзиной Дмитриеву от 20/I 1834 и 21/IX 1836 гг. с приписками С. Н. Карамзиной (одной уже известной, другой—о присутствии Пушкина на ее именинах), позволяющей датировать эти последние ⁷³; письмо просителя к Пушкину ⁷⁴; письмо Коншина ⁷⁵ с просьбой о заступничестве за протодиякона Лебедева от 7/II 1834 г.; отрывок дневника Соболевского о поездке с Пушкиным от Петербурга до Торжка ⁷⁶; письмо Нащокина Пушкину (апрель 1834 г.) ⁷⁷; письмо Н. Н. Пушкиной мужу ⁷⁸, единственное известное (1834 г.); дата зачисления Е. Н. Гончаровой фрейлиной ⁷⁹—6/XII 1832 г.; письмо провинциального поэта В. Коленова Пушкину от апреля 1835 г. при посвящении ему стихов «уездной музы» ⁸⁰; письмо Ладьяженского Б. А. Вревскому ⁸¹ с отзывом о «великом поэте, певце Цыган и Годунова» от 30/X (IX?) 1835 г.; воспоминания Андреева (1840 г.) о встрече с Пушкиным перед картиной Брюллова ⁸²; рассказ Даля о встречах с Пушкиным в Оренбургском крае (в записи Бартенева) ⁸³; воспоминание И. А. Гончарова о встрече с Пушкиным ⁸⁴; письма Е. М. Языковой брату (май 1836 г.) с восторженным отзывом о Пушкине ⁸⁵; любо-

пытное письмо французского литератора Тардифа де Моло Пушкину с просьбой дать ему сведения о себе и других русских поэтах для задуманной им работы о русской литературе ⁸⁶; мелкие воспоминания Н. Н. Пушкиной в записи Анненкова ⁸⁷; очень ценные воспоминания кн. Е. А. Долгоруковой (в записи Толя) о семье Гончаровых, о женитьбе, дуэли и смерти Пушкина ⁸⁸; воспоминания С. Моравского ⁸⁹ о встречах с Пушкиным, о прогулках Дантеса с Н. Н. Пушкиной, о дуэли и смерти Пушкина, содержащие много новых подробностей, между прочим замечательную фразу, произнесенную Пушкиным по адресу своей жены (издатель, Эттингер, сомневается в ее подлинности, но подобную фразу трудно придумать); записка Соллогуба от апреля 1836 г., оставленная Пушкину на случай приезда последнего в Тверь для поединка ⁹⁰; экземпляр (из архива III Отделения) диплома с конвертом, адресованным М. Ю. Вьельгорскому (издан с факсимиле текста обоих адресов и печати) ⁹¹; первоначальная редакция воспоминаний Соллогуба, записанных им для Анненкова ⁹²; бумаги и переписка по поводу женитьбы Дантеса, в частности о разрешении ему вступить в брак, не принимая русского подданства и без обязательности крестить детей по православному обряду ⁹³; выдержки из писем имп. Александры Федоровны к гр. Тизенгаузен с вопросами и отзывами о женитьбе Дантеса ⁹⁴; любопытные записи Лонгинова на книге воспоминаний Данзаса о дуэли и смерти Пушкина (о встрече с Пушкиным и Данзасом по пути к месту дуэли гр. Воронцовой и гр. Борх) ⁹⁵; данзасовский экземпляр условий дуэли (текст был известен по экземпляру д'Аршиака, сохранившемуся в архиве Геккернов); копии дуэльных писем, собранные Вяземским и переданные им Бартеневу (на копии письма Пушкина Геккерну помета Вяземского, что пушкинская автокопия была отдана Пушкиным Данзасу с правом, в случае неудачного исхода дуэли, поступить с нею, как хочет. Повидимому это завещание Бартенев перенес по ассоциации на письмо Пушкина к Бенкендорфу (ср. «Русск. Арх.» 1888, кн. II, стр. 308) ⁹⁶. Между прочим здесь нашлось письмо Данзаса Вяземскому от 6/II 1837 г. о дуэли, неточно напечатанное Аммосовым и (по копии суда) Кауфманом, и новое письмо Данзаса от 4/II 1837 г. (по мнению издателя—к Бенкендорфу, но вернее, как думал Б. Л. Модзалевский, к Жуковскому) с просьбой принять от него «своеручную копию рокового письма Пушкина к Геккерну» и, «если заблагорассудится, то показать оное» царю, в виду того, что «содержание оного перетолковывается в городе весьма в невыгодную сторону для Пушкина, которого память мне священна».

Опубликованы были также существенные выдержки из «военно-судного дела» Данзаса ⁹⁷.

Очень много открылось новых свидетельств и высказываний о дуэли и смерти Пушкина. Наиболее важными среди них являются дневник А. И. Тургенева ⁹⁸ за время с 25/X 1836 по 19/III 1837 г., в котором отмечены частые встречи его с Пушкиным и другими действующими лицами этой драмы, подробности болезни и смерти поэта, а также отголоски этой истории; письма его к А. Я. Булгакову от 7/XII 1836 (отзыв о Н. Н. Пушкиной на дворцовом бале), 9/I 1837 (вечер у Фикельмон с Пушкиным), 22/I 1837 (упоминание о Пушкине в связи с Лубяновским, занимавшим квартиру над пушкинской), 28/I 1837, 30/I 1837, 12/II 1837 (записки при письмах к другим лицам о дуэли и смерти Пушкина), 27/II 1837 и 6/III 1837 (о стихах Лермонтова и высылке его), 20/III 1837 г. (о разжаловании и высылке Дантеса и о слухе, будто Мицкевич вызвал последнего на дуэль) ⁹⁹; письма А. И. Тургенева Е. А. Свербеевой от 21/XII 1836 г. о вечере, проведенном у Пушкиных, и о болезни Дантеса ¹⁰⁰; очень важный документ представляет записка Геккерна Дантесу (в ответ на его запрос о дипломе): Геккерн дает описание печати (формат определяется как совпадающий с форматом записки) и рекомендует сослаться на себя, потому что видел диплом у Нессельроде ¹⁰¹. Письмо обнаружено в секретном фонде III Отделения и издатель его Поляков полагал, что оно представлено было Геккерном министру иностранных дел для своего оправдания как написанное вскоре после ноябрьского вызова Пушкина, когда Дантес дежурил в казармах—толкование вряд ли верное, так как записка явно представляет собою шпаргалку: ссылка на Нессельроде прекращала дальнейшее расследование. Записка написана конечно уже после смерти Пушкина, когда Дантес находился под арестом на гауптвахте ¹⁰².

Замечательным документом является также и письмо Дантеса к председателю военно-судной комиссии ¹⁰³, найденное также в этом секретном архиве и изображающее поведение Пушкина в совершенно неожиданном свете и при этом производящее впечатление правдивости. Оно свидетельствует о том, что суд входил в рассмотрение существа отношений действующих лиц пушкинской драмы, о чем протоколы умал-

чивают. Сопоставляя данные этого письма с краткими заметками Жуковского, издатель высказывает догадку, что вызывающее поведение Пушкина по отношению к жене и Е. Н. Гончаровой-Дантес перед теми, «кои могли бы рассказать», имело целью побудить Николая I вмешаться в дело.

Чрезвычайно важное свидетельство представляет и письмо В. Ф. Вяземской к М. И. Мещерской¹⁰⁴, изданное Н. Ф. Бельчиковым (без комментария) и содержащее несколько совершенно новых существенных данных. Сверх того опубликован целый ряд писем, записей в дневниках и воспоминаний об этом событии, то повторяющих друг друга, то передающих всевозможные выдумки по этому поводу, но в некоторых случаях отражающих, хотя бы искаженно, данные, имеющие вероятие и бывшие неизвестными. Таковы записи в дневниках Андреева¹⁰⁵, имп. Александры Федоровны¹⁰⁶, Вл. А. Муханова¹⁰⁷ (последний подтверждает как будто факт существования записки Николая I умирающему поэту, опровергает слух, будто некоторые рукописи Пушкина будут сожжены, сообщает известие о вызове Мицкевича Дантесу); черновик (конспект) записки Даля¹⁰⁸, содержащий несколько новых деталей, а также любопытный тем, что в нем слова записки Николая I вложены в уста Жуковского; письмо И. Мальцова Соболевскому от 2/II 1837 г., П. А. Бестужева А. Бестужеву¹⁰⁹ от 2/II 1837 г. с выражением сожаления, что поэт женился и втянулся в омут большого света¹¹⁰; письма А. Я. Булгакова к дочери и к Вяземскому от февраля 1837 г.¹¹¹; К. А. Булгакова отцу¹¹²; Е. А. Булгаковой Соломирской¹¹³ от 29/I 1837 г.; Е. С. Волковой к Е. А. Соймоновой¹¹⁴ от 29/I 1837 г., интересное отрицательным отношением к Пушкину и уверением, что всегда видела Дантеса ухаживающим за Е. Н. Гончаровой; Н. И. Любимова Погодину¹¹⁵ от 3/II 1837 г., проникнутое напротив горячим негодованием против «с... с..., поднявшего руку на святыню России», и горьким сожалением, что поэт женился и не покинул столицы; Неверова Грановскому от 29/I 1837 г. в том же духе¹¹⁶; В. М. Похвисневой Афанасьеву от 12/II 1837 г. с резким осуждением «преступной женщины» («поговорить» явная опечатка вместо «погоревать об общей нашей потере»)¹¹⁷; Нащокина Соболевскому с выражением пережитого горя и жалобами на свою судьбу; Д. Н. Толстого-Знаменского¹¹⁸ от 30/I 1837 г.; Е. М. Языковой П. М. Бестужевой¹¹⁹ 1 и 6/II 1837 г.; пренебрежительный отзыв Воронцова о Пушкине со слов Н. Г. Тройницкого¹²⁰; письмо Вяземского О. А. Долгоруковой от 7/IV 1837 г. с протестом против мнения, будто Дантес или Е. Н. Гончарова пожертвовали собой, чтобы спасти репутацию Н. Н. Пушкиной¹²¹, отзыв Ладвыженского в письме Б. А. Вревскому 26/IV 1837 г.¹²², стихи Н. Данилевского на смерть Пушкина (1837 г.)¹²³, письмо Вяземского к Леве-Веймарсу (или статья) о смерти Пушкина¹²⁴; ценные воспоминания кн. Е. А. Долгоруковой, уже упомянутые¹²⁵; интересный рассказ А. И. Васильчиковой Бартеневу¹²⁶; письмо Фризенгофа с изложением воспоминаний его жены, А. Н. Гончаровой, подтверждающей традиционную версию¹²⁷; стихи петрашевца Баласогло 1840 г. на смерть Пушкина¹²⁸. Любопытный замаскированный отклик на гибель поэта усмотрел Н. О. Лернер¹²⁹ в стих. Е. Розена в «Литературной Газете» 1846 г.: Эврипид, привлеченный ко двору царя Ахелая, гибнет, растерзанный собаками царя— «Левца заели Ахелая псы И молния на гроб его упала». Воспоминания дочери Пушкина гр. Н. А. Меренберг, записанные Семевским в 1887 г., свидетельствуют о характерном для семьи поэта отсутствии воспоминаний о Пушкине¹³⁰.

Эпилог драмы Пушкина сосредоточивается на трех моментах: личных и материальных забот, политических откликов на смерть поэта и вопросе об авторе оскорбительного диплома на имя Пушкина. По первому имеем немного: письмо Н. Н. Пушкиной Жуковскому с просьбой выдать ей ее письма к мужу, изъяв их из рассмотрения, которому подлежал весь архив Пушкина¹³¹; записка А. И. Тургенева Жуковскому от 28/III 1837 г. по поводу книг, взятых у Пушкина Корфом, а также о возвращении ему (Тургеневу) «книжечки с вольнолюбивыми итальянскими песнями» и экземпляра «Повестей», подаренного ему поэтом с собственноручным исправлением¹³²; письмо Соболевского Плетневу (первоначально Жуковскому) из Парижа с отзывом о Н. Н. Пушкиной и с призывом организовать обеспечение семьи Пушкина¹³³; письмо Мальцова Соболевскому от 13/II 1837 г. с извещением, что Пушкин включил в список своих долгов и сумму, взятую им под залог серебра Соболевского, так что при уплате этих долгов выкуплено и это серебро¹³⁴; плачевное письмо Нащокина Соболевскому, в котором он между прочим напоминает, что Пушкин остался ему должен 3 тысячи рублей¹³⁵; письмо Н. Н. Пушкиной Нащокину в связи с выплатой ему этого долга¹³⁶ и т. п.

Неожиданно и очень ярко обнаружилась закулисная сторона отношения правительства к смерти Пушкина. Запрещение общественных открытых похорон поэта

было известно. А. С. Поляковым найдены были в секретном фонде III Отделения документы, показывающие, что правительство имело некоторые основания для опасений перед возможными проявлениями свободного общественного мнения в пользу Пушкина¹³⁷. Это прежде всего два письма от 30/1 и 2/II 1837 г. (одно анонимное, другое—подписанное инициалами К. М.), принадлежащие повидимому одному и тому же автору и обращенные к Жуковскому и кн. А. Ф. Орлову с выражением крайнего негодования против «презренного чужеземца (Геккерна) и Дантеса», «осмелившихся оскорбить в лице покойного дух народный», и против «открытого покровительства и предпочтения чужестранцам» вообще с требованием, разжалования Дантеса и ссылки его в гарнизон «на вечные времена», высылки Геккерна и запрещения принимать иностранцев на службу, даже с угрозой, что «иначе мы горько поплатимся за оскорбление народное, и вскоре». К этим письмам относится целая переписка, из которой явствует, что Жуковский рассказал об этом письме императрице (повидимому не столько, чтобы воздействовать на правительство, сколько с целью ускорить разрешение на издание сочинений Пушкина и «Современника», ссылаясь на этот пример «оживого чувства, которое пробуждено в сердце каждого русского к памяти Пушкина» и которое должно было способствовать успеху подписки), а Орлов решил, что оно исходит из какого-то тайного противуправительственного общества и в тот же день, по совету Бенкендорфа, присоединившегося к его мнению, представил его Николаю I. Царь также нашел это дело «достойным внимания»—«постарайтесь установить автора, и суд над ним будет короткий», прибавлял он. Сам он при этом заподозрил почему-то протоиерея А. Малова, который накануне служил заупокойную обедню по Пушкине. Вместе с тем он повидимому вспомнил о письме, которое получил Жуковский и о котором ему очевидно передала императрица, и велел его затребовать, что Бенкендорф и сделал, дав понять при этом Жуковскому, что он напрасно «счел нужным» осведомить императрицу, не показав предварительно письма ему.

Этот эпизод не единичен. В том же фонде Поляковым¹³⁸ найдено донесение тайного агента Кашинцева из Москвы о том, что «целая толпа литераторов (во главе с Погодиным) вознамерилась отслужить церемониальную панихиду по Пушкине и даже говорить речь в память погибшего поэта, но что архимандрит, предупрежденный оберполицмейстером, уклонился от исполнения этой просьбы».

Очень ценный документ представляет наконец отрывок из ежегодного «отчета о действиях корпуса жандармов» за 1837 г., в котором дается обоснование подобным полицейским мерам: «Многие литераторы и все либералы приняли живейшее участие в его смерти; многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии, в самом Пскове выпречь лошадей и везти гроб людьми: подобное как бы народное изъявление скорби представляло бы некоторым образом неприятную картину торжества либералов»¹³⁹.

Вопрос об авторстве оскорбительного диплома обогатился также рядом интересных документов. Поляков издал записку Бенкендорфа¹⁴⁰ (для памяти, как думает Поляков, вернее это основа запроса для Мордвинова) с вопросом, не был ли автором его некий Тибо, друг Россета, служащего в Главном штабе? Издатель прибавляет, что угадать мотивы этого подозрения «не представляется возможным». Между тем известно, что К. О. Россет получил экземпляр диплома с таким точным адресом, что его мог написать только человек, у него бывавший. Это обстоятельство направило подозрения некоторых друзей Пушкина на Гагарина и Долгорукова. Известно также, что Россет представил свой экземпляр в кн. Михаилу Павловичу. Виолне возможно поэтому, что и на Тибо могло пасть подозрение по той же связи с Россетом, о дружбе с которым неспроста упоминается в заметке. На запрос Мордвинова имеется справка жандармского генерала Полозова, что два брата Тибо служат в Почтамте (генерал отнес *servant à l'état Major* к Тибо, а не к Россету—очевидно, что Мордвинов повторил то же построение фразы), и образцы почерка обоих. Щеголев (Д и СП, 486) установил, что этот Тибо был гувернером Карамзиных, чем и объясняется знакомство с ним Россета.

Самое замечательное, что в той же папке, озаглавленной «о присланных Пушкину безымянных письмах», оказалась и записка Дантеса к Бенкендорфу¹⁴¹, в которой он «спешит сообщить ему» адрес своего бывшего русского учителя (Висковского)—этот адрес написан совершенно безграмотно на особом клочке бумаги. Поляков высказал предположение что Бенкендорф, желая раздобыть русский почерк Дантеса, придумал запросить у него этот адрес (повидимому какое-то подозрение об участии его в рассылке диплома Пушкину имелось у Бенкендорфа или Николая I), но что Дантес сознательно или невольно обманул их ожидания: как объясняет в своей

записке Дантес, он не знал этого адреса и раздобыл его через посредство слуги графа Брея; повидимому адрес и написан этим слугой, тоже иностранцем.

Как известно, многие обвиняли в составлении диплома кн. И. Гагарина и кн. П. В. Долгорукова. Лишний голос теперь подает Одоевский в дневнике конца 1860 г., утверждая это относительно Долгорукова без всяких оговорок¹⁴². Щеголев считает этот отзыв «особо авторитетным». Однако следует иметь в виду, что обвинение это составляет одно из возмущенных примечаний Одоевского на оскорбительную для него статью Долгорукова в его заграничном журнале «Будущность», которая должна была вывести Одоевского из себя. К тому же здесь он пишет, что Долгоруков писал анонимные письма, послужившие причиной дуэли, а в опровержении, составленном позднее, он обвиняет его только в «переноске анонимных подметных писем, от которых, между прочим, произошла одна великая потеря, которую Россия доньяне оплакивает».

Более значительным документом является письмо Соболевского Воронцову¹⁴³ от 7/II 1862 г., в котором сообщается, будто Дантес собирается начать процесс по обвинению Долгорукова в составлении диплома Пушкину, и что у самого Соболевского «давно была тысяча мелких оснований предполагать, что эта жестокость исходила от Долгорукова». Высказывая глубокое убеждение в невинности Гагарина, он говорит, что расспрашивал его об этом в предыдущем году и что из того, что Гагарин высказал в защиту Долгорукова, кое-что напротив говорило скорее против последнего. «Оказывается, что Долгоруков жил тогда вместе с Гагариным, что он легко мог воспользоваться бумагой последнего и что, следовательно, главное основание подозрений, направленных на последнего (т. е. Гагарина, а именно сходство бумаги диплома с гагаринской—издатель ошибочно относит это к Долгорукову), могли бы быть перенесены на него» (т. е. Долгорукова). Исходя из этого, Соболевский просил Воронцова передать в III Отделение образцы почерка Долгорукова для сличения с почерком диплома, который должен там храниться (других экземпляров он разыскать не мог). При этом письме сохранилась справка III Отделения, гласящая, что в нем никаких бумаг Пушкина и вообще ничего, относящегося к дуэли, не имеется (что было ложью, как видно из настоящей статьи).

Наконец сюда же примыкает два письма Долгорукова Погодину в 1865 г., в которых он ругает Бартенева и грозит сломать палку на его спине за распространение о нем клеветы¹⁴⁴.

Неожиданной новостью явилась, далее, заметка в записках кн. А. М. Голицына (1900—1908 гг.), со слов «особы, сидевшей рядом с государем» (Александром II, вероятно от гр. А. В. Адлерберга или гр. Э. Т. Баранова) о заявлении Александра II, что «теперь известно имя составителя диплома Пушкину: это—Нессельроде». Издатель заметки В. В. Гольцев¹⁴⁵, признавая, что выражение *c'est Nesselrode* может означать только министра иностранных дел, находит однако это настолько маловероятным, что предпочитает подозревать его жену (гр. М. Д. Нессельроде), отношения которой с поэтом были «самые плохие и даже враждебные». К этому выводу присоединился и М. А. Цявловский. Однако насилие над текстом в данном случае ничем не оправдано. Аргумент маловероятности участия министра в этой истории может быть выдвинут с тем же успехом и против участия его жены, занимавшей в высшем свете место едва ли не более значительное, чем ее муж. С другой стороны, почему непременно считать заявление Александра II «свидетельством исключительного значения»? Откуда мог он получить подобное сведение? Конечно возможно, что кто-нибудь нашел в личном архиве Николая I какие-либо данные, обличающие Нессельроде, которые остаются еще неизвестными. Но в таком случае царь тогда же знал бы, что пасквиль, направленный на него,—дело рук его министра и канцлера,—ситуация вряд ли сколько-нибудь правдоподобная. Между тем, как мы теперь знаем, в секретном архиве III Отделения хранился до нашего времени документ, в котором Геккерн достаточно откровенно уговаривается с Дантесом ссылаться в вопросе о дипломе прямо на Нессельроде. Не проще ли думать, что именно этот документ стал известен Александру II и был им понят как улика против Нессельроде?

Подлинной сенсацией явилась обнаруженная П. Е. Щеголевым¹⁴⁶ запись в камер-фурьерском журнале под 23/XI 1836 г.: «По возвращении (с прогулки) его величество принимал генерал-адъютанта Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина». Это делало несомненным отправку письма Пушкина 21/XI 1836 г. Бенкендорфу. Вместе с тем это очевидно экстренное и из ряда вон выходящее представление Пушкина царю совместно с Бенкендорфом бесспорно подтверждает новое толкование диплома как намек на связь Н. Н. Пушкиной с Николаем I. Однако дальнейшие соображе-

ния Щеголева не являются убедительными. Этим письмом Пушкин будто бы доводил до сведения царя содержание пасквиля, осуществляя неслыханную месть Геккерну. «Можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление произвело подобное заявление. Создавался неслыханный скандал. Можно предполагать с полной вероятностью, что Бенкендорф попытался урезонить Пушкина, но он был в таком настроении, когда никакие резоны на него действовать не могли. Только царь мог предотвратить катастрофу. Результаты ясны. Пушкин был укрошен, был вынужден дать слово молчать о Геккерне. Но и Николай должен был сообразить дальнейшие последствия своих ухаживаний за Н. Н. Пушкиной». Здесь слабость Щеголева к психологическим домыслам достигает предела беспочвенности и сочетается с необычной для него вульгаризацией. Какие ужасы воображает он — непонятно. И не мог Бенкендорф в подобном деле, лично касавшемся царя, действовать иначе, как по указаниям последнего. А Николай был достаточно тактичен, чтобы в данном случае понять щекотливость своего положения и дать Пушкину лично свои объяснения.

В связь с историей гибели Пушкина могли бы быть также поставлены и некоторые новые данные более позднего времени. Такова любопытная запись в дневнике Одоевского со слов графини Соллогуб¹⁴⁷, характеризующая отношение в. кн. Михаила Павловича к Пушкину («туда ему и дорога») и Дантесу («бедный, ведь он разжалован»). Знаменательно также и письмо Дантеса к Николаю I в 1851 г.¹⁴⁸, с просьбой оказать воздействие на Гончаровых в его тяжбе с ними из-за недовыплаченных его покойной жене сумм. Настойчивый тон этого письма говорит как будто о каком-то праве Дантеса на милостивую поддержку императора. С другой стороны суггестивна и дата зачисления А. Н. Гончаровой фрейлиной¹⁴⁹ в январе 1839 г.: для этого не могло быть никаких оснований, кроме желания дать возможность вдове Пушкина вновь являться при дворе. К этому можно присоединить многозначительное сообщение В. А. Городцова¹⁵⁰ о виденных им часах Николая I, на внутренней крышке которых сделан был портрет Н. Н. Пушкиной. Сопоставляя эти данные с теми, которые сообщает Арапова и другие источники, можно думать, что Н. Н. Пушкина, по возвращении в Петербург в 1839 г., была любовницей Николая I.

Общаясь с историей документов материального быта Пушкина, внимание к которым впервые возникло в наши дни. Сюда относятся: расписки Пушкина в получении жалованья из СПб. и командировочных в 1823—1824 гг., что имеет значение для уяснения как условий существования поэта («паек сыльного»), так и формального его положения на службе¹⁵¹; заемное письмо Нащокина с пометой Пушкина¹⁵²; сводка задолженности имений С. Л. Пушкина на 1834 г. с отзывом Соболевского¹⁵³; записка С. Л. Пушкина с перечнем его долгов и его расписка о погашении долга в 1000 р. от 30/III 1835 г.¹⁵⁴; письмо К. Полевого к Соболевскому от 19/XI 1834 г., свидетельствующее, что последний материально способствовал изданию «Пугачева»¹⁵⁵; выписка из приходо-расходной книги Д. Н. Гончарова 1832 и 1834/35 гг., в которой отмечены суммы, выплаченные сестрам¹⁵⁶; договоры Пушкина на наем квартиры в 1832/33 и 1836 гг.¹⁵⁷; сообщение книгопродавца Жебелева, что по его совету «Капитанская дочка» была припечатана к нераспространенным «Повестям» и выпущена вместе с ними как «Романы и повести» в двух томах¹⁵⁸; уже упомянутые письма Н. Н. Пушкиной Нащокину от 16/III 1838 и 28/VI 1838 гг. по поводу уплаты ему долга Пушкина в 3000 р.¹⁵⁹; дело о квартирной тяжбе Пушкина в 1832—1834 гг.¹⁶⁰; счет каретного мастера 1834 г. и счет долгов прислуге Пушкина 1837 г. и т. п.¹⁶¹ Впервые опубликованы документы по управлению именными¹⁶²; расходные записи Пушкина 1834—1836 гг., опись сельца (Кистенева?), дарственная С. Л. Пушкина Пушкину на сельцо Кистенево, доверенность Пушкина управляющему Пеньковскому 1833 г., доверенность Л. С. Пушкина Пушкину от 2/VI 1836 г. по делу о разделе с Михайловского, с легкомысленной О. С. Павлицевой о суммах, выплачивавшихся ей отцом и Пушкиным в 1830—1841 гг.; приказ санитарного попечителя о борьбе с холерой от 24/X 1830 г.; ведомость Пеньковского о запасах зерна по Болдину в 1833/34 г. и старосты Петрова о приходах и расходах по Кистеневу за 1834 г., адресованные Пушкину; книга «для расхода мирских денег» по Болдину на 1824 г., памятная книга с. Болдина 1833 г., опись Болдина; ревизская сказка и опись с. Михайловского; письма Я. Эйхберга Н. И. Беклемишеву от 3/XI 1834 г. и последнего (тогда же) и полковника Плещеева от 5/VII 1835 г. к Пушкину по поводу 2000 р., занятых Л. С. Пушкиным; письмо Н. И. Павлицева Пушкину от 25/X 1834 г. с просьбой о вспомоществовании

по поводу рождения сына, письма приказчика Калашникова от 26/VI 1834 г., а также позднейшие документы, в том числе письма и прошения Н. Н. Пушкиной-Ланской, письмо П. П. Ланского Л. С. Пушкину и ответ последнего, письма Л. С. Пушкина к Н. Н. Ланской, прошения крестьян с. Кистеневки к Ланским и отдельные данные, извлеченные из бумаг Опеки и др. Большое значение этого материала очевидно. Он позволяет судить о бюджете Пушкина, об его отношении к деревне, крепостным и помещицкому хозяйству, об объеме и характере его хозяйственных и семейных забот. Вместе с тем он показывает и положение Пушкина в отношении к отцу, сестре и брату. Наконец он в значительной мере углубляет понимание и социальное значение «Истории села Горюхина», служа ей как реальным, так и идеологическим и психологическим комментарием.

К этой же категории можно отнести дело о жалобе Пушкина на Ольдекопа, издавшего «Братьев-разбойников» (с своим переводом) в ущерб Пушкину¹⁶³, а также бумаги по денежным претензиям Дантеса к Гончаровым¹⁶⁴.

Особую группу составляют материалы антикварного, топографического характера о пушкинских местах и вещах. На первое место здесь следует поставить ценные архивные разыскания Л. А. Виноградова о местах и датах жительства Пушкина в Москве, позволяющие автору выяснить обстановку и уточнить хронологию детских лет Пушкина («Пушкин в Москве». Труды общества изучения Московской области, VII, М., 1930, стр. 1 сл.). Между прочим автор разъясняет традиционное недоумение о месте встречи маленького Пушкина с Павлом I, установившая, что она могла произойти только в Петербурге. Более сводный характер имеют статья Н. П. Чулкова «Пушкин-москвич» (там же) и брошюра Н. С. Ашукина «Пушкинские места в Москве и ее окрестностях» (М., 1930). Полезный перечень «Пушкинских домов, сохранившихся до нашего времени» дал Н. П. Розанов («Пушкин в Москве», стр. 92—96). Шире, с уклоном к литературному комментарию и расчетом служить руководством для экскурсий составлены книги Н. П. Анцыферова «Пушкин в Царском Селе» (Л., 1923, 54 стр. и карта) и А. Яцевича «Пушкинский Петербург» (I, Л., 1930, 2-е изд. 1933, 160 стр.; II, Л., 1931, 209 стр.), обе вдумчиво и литературно написанные. В том же роде и очерк Н. А. Саввина «Болдино и А. С. Пушкин» (Нижний-Новгород, 1929, 50 стр.). Статья С. Фессалоницкого «Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г.» («Материалы Общ. Изуч. Тверского края», 3, 1925, стр. 17 сл.) описывает реалии сохранившиеся в Бернове, Малинниках и Павловском от пушкинских времен. Из подобных же очерков, посвященных Михайловскому и Тригорскому, отметим брошюры «Пушкинский уголок» Гладкого (Псков, 1922) и «Уголок Пушкина» Гарриса (М., 1923), изданные к столетию ссылки поэта. Пребыванию Пушкина в Крыму посвящены работы ак. С. Ф. Платонова «Пушкин и Крым» и Б. Л. Недзельского «Пушкин в Крыму» последняя с обстоятельным разбором маршрута Пушкина и с критическим анализом ряда вопросов, связанных с крымским периодом жизни поэта. Маршруты Пушкина уточняют исследования А. Звенигородского «О пребывании Пушкина в Нижегородской губернии» («Моск. Пушкинист», II, 1930, стр. 62 сл.) и проф. П. Преображенского «Пушкин в Самарских краях» («Бюлл. Общ. арх., ист., этногр. и естествозн. при Самарском Ун-те», № 3, I.XII.25, стр. 17—22).

Попытку реконструкции «Последней квартиры Пушкина» представляет брошюра М. Д. Беляева и А. А. Платонова (Л., 1927, 28 стр.). Статья Беляева, развитая во 2-м изд. («Квартира, где умер Пушкин», Л., 1930, 54 стр.), содержит также указания о составе прислуги Пушкина и описание сохранившихся пушкинских вещей. Полезным обзором вещей Пушкина (сохранившихся или упоминаемых в письмах и воспоминаниях) является статья Н. С. Ашукина «Пушкинские реликвии» («Кр. нива» 1927, № 7, 13/II/27). Дополнением к ней служит заметка Ф. Грошикова «Достопримечательности села Яропольца» (лит.-худ. сб. «Красной панорамы» 1929, дек., стр. 40 сл.).

Помимо этих новых материалов необходимо отметить и переиздание уже известных, тем более, что они в большинстве случаев впервые изданы с проверкой текста и комментариями, а именно: воспоминаний Соллогуба¹⁶⁵, Анненкова¹⁶⁶, Панаевой¹⁶⁷, И. Панаева¹⁶⁸, М. И. Глинки¹⁶⁹, А. П. Керн¹⁷⁰, П. А. и А. М. Каратыгиных¹⁷¹, дневника Вульфа¹⁷², воспоминаний М. И. Осиповой и Е. Н. Вревской в записи Семеновского¹⁷³, дневника Кукольника¹⁷⁴, «Старой записной книжки Вяземского»¹⁷⁵, записок и воспоминаний А. О. Россет-Смирновой¹⁷⁶, М. Н. Волконской¹⁷⁷, декабриста Горбачевского¹⁷⁸, И. И. Пуцина¹⁷⁹, Вигеля¹⁸⁰ и др., выходящих впрочем далеко за пределы пушкинианы. Очень полезно было издание М. А. Цявловским¹⁸¹ сборника небольших воспоминаний и заметок, рассеянных по малоизвестным журналам (Берга, А. Ю. Пушкина, Д. Ф. Миллера, М. Н. Макарова, Грена, Мекленбург-

цева, Татарченкр, Воеводина, В. П. Горчакова, Зеленецкого, Погодина, Н. М. Лонгинова, Соболевского, камердинера Пушкина (в передаче Лейкина), Кононова, Науменко, Н. А. Б., Ежова, Я. П. Полонского, Н. И. и М. М. Муханова, Облачкина, М. А. Куркунова, М. И. Лонгинова, К. А. Полевого, С. Л. Пушкина). Следует подчеркнуть, что это единственный опыт переиздания биографических материалов о Пушкине, притом снабженных комментариями. Правда, почти все, что опубликовалось за последние десятилетия, издавалось более или менее тщательно в этом отношении, но из старых публикаций даже основные остаются в малодоступных и лишенных всякого освещения изданиях. Пора бы наконец взяться за сводное критическое издание писем к Пушкину, отзывов о Пушкине в письмах и дневниках современников и воспоминаний о нем, а также официальных документов (распоряжений, отзывов, донесений), относящихся к Пушкину.

Издание свода подобных материалов, проверенных в отношении текста, критически прокомментированных и проработанных для уяснения их происхождения, вскрытия заложенных в них генденций, установления их источников и достоверности их содержания, является обязательной предпосылкой для предпринятия подлинно научной биографии Пушкина.

В отношении подобного анализа источников, известных ранее или опубликованных впервые, сделано еще очень мало. Письма Вяземского к Булгакову, Д. Давыдову¹⁸², О. А. Долгоруковой, в кн. Михаилу Павловичу представляют (с письмами А. И. Тургенева) основной, если не единственный, современный документальный источник всей переписки и пожалуй всей традиции о дуэли и смерти Пушкина. Остальное восходит к устным источникам, т. е. в большинстве к слухам из вторых и третьих рук и просто досужим выдумкам. И однако до сих пор не произведено не только анализа этой традиции, но даже генетического разбора этих писем. Между тем заранее можно сказать, что подобный анализ вскроет с несомненностью наличие определенной установки Вяземского в изложении этой истории вообще, и дополнительной—в изложении ее в кн. Михаилу Павловичу. П. Е. Щеголев, издавший это письмо впервые, ограничился только приведением разночтений черновой редакции, не ставя даже вопроса, почему это письмо написано и с какой целью. Сличение писем Вяземского с обнаруженным недавно Н. Ф. Бельчиковым письмом В. Ф. Вяземской показало бы достаточно ясно основные черты этой установки.

Даже такой замечательный документ, как письмо Пушкина Геккерну, известное в двух беловых экземплярах и двух первоначальных редакциях, не подверглось не только критическому анализу, но даже подлинно критическому чтению. Пушкиноведение довольствовалось примитивно-непосредственным чтением Ефремова 50-летней давности. И почти двадцать пять лет не интересовалось, какие это клочки письма появились: то ли письма Пушкина к Бенкендорфу, то ли к Геккерну. А между тем уверенно аргументировали этим письмом и даже его первоначальными редакциями, спокойно принимая бессвязный и ошибочный текст как незыблемый факт, не нуждающийся ни в какой критической проработке. Казалось бы, первая обязанность исследователя, прежде чем пользоваться данным текстом,—установить (в данном случае и восстановить) текст и уяснить себе обстановку и самый процесс его возникновения, а здесь к этому были все возможности!

Недостаточно тщательности бывает и в комментировании даже у виднейших пушкинистов. В «Дуэли и смерти Пушкина» Щеголев опубликовал письмо Н. И. Гончаровой к Е. Н. Дантес, в котором мать спрашивает между прочим: «ты пишешь, что собираешься в Париж, а кому же ты оставишь девочку?» (Щеголев переводит неточно «малютку»). Письмо датировано 15 мая 1837 г., и Щеголев в примечании выразил недоумение «о какой малютке идет речь: свадьба Е. Н. Гончаровой с Дантесом состоялась 10/1 1837 г. и она родила 7/X 1837 г., точка в точку» (ДиСП³, 338, прим. 4), и этим ограничился. Л. П. Гроссман подумал над этой неувязкой дат и решил просто, что официальная дата рождения фиктивная, что на самом деле она родила в апреле 1837 г. и что следовательно Дантес и Е. Н. Гончарова были в связи с лета 1836 г. («Кр. нива», № 24 от 9 июня 1929 г., стр. 11 сл.). Но достаточно вчитаться внимательно в это письмо, чтобы убедиться, что это предположение—чистый вздор. Н. И. Гончарова начинает письмо с того, что несколько промедлила с ответом вследствие хлопот с женитьбой сына; допустим, что она получила письмо около 1 мая. Это письмо было не первым—Н. И. Гончарова отвечает «на твое последнее письмо»,—и оно очевидно не сообщало ни о прибытии Е. Н. Дантес на место, ни о рождении дочери; иначе в ответе Н. И. Гончаровой был бы конечно какой-нибудь отклик на эти большие новости. Между тем этот ответ совершенно будничныи. По этому ответу трудно

себе представить, чтобы хотя бы предыдущее письмо Е. Н. Дантес было первым по приезде ее в новый дом: он предполагает, что Н. И. Гончаровой уже хорошо известны новые условия жизни дочери. Но даже допустив это, первое письмо Е. Н. Дантес могло быть получено Н. И. Гончаровой в Яропольце, скажем, около 15 апреля, вряд ли позже, а написано оно было значит примерно 20 марта. Следовательно рождение дочери во всяком случае не могло иметь места в апреле. Но Е. Н. Дантес уехала из Петербурга вместе с Геккерном 1 марта. Она физически не могла успеть доехать на место и родить к 20 марта. К тому же это значило бы, что она венчалась и выезжала на балы и рауты после свадьбы на 7 и даже 8 месяце беременности. Совершенно очевидно, что тут какая-то ошибка. И конечно не в дате рождения дочери Е. Н. Дантес, а в дате письма Н. И. Гончаровой. Письмо по всей вероятности написано 15 мая следующего—1838 года.

Таким образом в отношении научности издания биографии Пушкина дело обстоит малоудовлетворительно.

Тем более досадным явлением приходится признать хрестоматию В. В. Вересаева «Пушкин в жизни»¹⁸³.

Издание это является не более как суррогатом подлинного свода материалов, который нужен для изучения Пушкина. Прежде всего автор напрасно сузил понятие «жизни», ограничив ее внешними фактами событий и поведения и сознательно исключив из него творчество, мысль и переживания. Понятно, что он дает в результате облик Пушкина-лицеиста, Пушкина-чиновника, светского человека, придворного, главы семьи и—больше всего—Пушкина-обывателя. Пушкин-поэт, Пушкин-критик, историк, журналист, вольнодумец и либерал, идеолог просвещенного среднего дворянства, словом мыслящий, творящий и чувствующий Пушкин оказался целиком устраненным. Мало того: этот искусственный, насильственный отбор проводится Вересаевым по каждому высказыванию, лишая его цельности и связи и неминуемо искажая общий смысл и характер, вложенный в него автором. Больше того: это вытравление существенных (часто главнейших) элементов неизбежно приходится делать, более или менее насилуя текст: переставляя отдельные фразы, сокращая те или другие куски и даже вставляя в них собственные слова ради восстановления связи между ними. К тому же отбор производится чисто субъективно, без учета степени достоверности и сравнительной ценности того или другого высказывания, не давая характеристики автора и его отношений к Пушкину и не оговаривая ни выбора, ни произведенных изменений текста. Он помещает на равных правах, ничем не отмечая принципиальной разницы, и документальные свидетельства современников, и позднейшие воспоминания, и записи из вторых рук, и отрывки из исследовательских работ о Пушкине, и даже собственные свои соображения. Наконец при этом отборе писатель естественно берет верх над пушкинистом, подчеркивая и подбирая те штрихи, которые соответствуют его плану, и оставляя в тени несоответствующие. В результате получается своего рода литмонтаж, не лишенный интереса, но дающий не всего и не исторического Пушкина, а какого-то чисто житейского и притом лично вересаевского. Между тем составитель считает свою хрестоматию научной и исторической и тем внушает читателю ложный, искаженный, выхолощенный, а затем по-своему подмалеванный облик поэта. Конечно читатель в большинстве сам более или менее делает поправку, поскольку образ поэта властно возникает и сквозь пестрые лоскутья его «жизни», скроенные и сшитые Вересаевым. И что же делать, если через 90 лет после смерти Пушкина все еще нет хотя бы критического издания материалов для его биографии! Писатель дольше ждать не хочет, и читатель всецело на его стороне. И вот «чем же они виноваты, если их Пушкин выходит не Пушкин, а Ноздрев?» (Г. О. Винокур). Беда однако еще и в том, что наличие этого суррогата грозит тем, что свода биографических источников не будет и к столетию смерти Пушкина.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ

Если в деле собирания и издания материалов для биографии Пушкина революция сказала немедленно, уничтожив все запреты, то построение пушкинской биографии все еще остается задачей, до сих пор ожидающей своего осуществления.

Прежде всего следует отметить, что в течение довольно длительного времени видное место в области пушкиноведения имела так называемая формальная школа, провозгласившая, что предметом литературоведения является единственно литературное наследие писателя; биография только служит уяснению текста; личность писателя вне его произведений не существует для литературоведения. В историю литературы включена была впрочем область «литературного быта», не полу

чившая достаточной определенности, но охватывавшая отношения литературных группировок и условия писательской и издательской деятельности. Это требовало также биографического изучения, но тоже в плане чисто литературном—для освещения художественных тенденций и исторической оценки литературных фактов.

Эту точку зрения разделяли и некоторые марксистствующие историки литературы, например проф. П. С. Коган, заявлявший, что «исследователь охотно уступает эту часть работы психологу или педагогу (?) и переносит центр внимания на материал, составляющий предмет непосредственного ведения,—на художественное произведение» («О некоторых предрассудках» в сб. «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 110). Другие «полагали, что до конкретных явлений биографии, т. е. основных жизненных переживаний и творческих выражений этих переживаний у данного лица, мы нашими марксистскими методами не можем добраться или может быть считали, что нас интересуют только общие массовые явления» (А. В. Луначарский, вступ. очерк к Полн. собр. соч. Пушкина. М., ГИХЛ, 1931, т. I, стр. 7). Принципиально исключена биография писателя из истории литературы в переверзевской концепции. Подобные установки, грешащие формализмом и агностицизмом, встретили должный отпор. Однако и до сего дня марксистская наука еще не разрешила проблему биографии.

Что касается старого академического пушкиноведения, то оно ограничивалось сознательно краткими фактическими очерками, составленными поневоле—к 125-летию со дня рождения поэта и при собирании сочинений. Таков «Пушкин. Очерк жизни и творчества», составленный Б. Л. Модзалевским при участии Н. В. Измайлова и И. А. Кубасова (Л., 1924, «Труды Пушкинского дома», изд. «Петроград», 115 стр.), добросовестный в научном отношении и удачно построенный по изложению; большую ценность придает ему сделанная Измайловым обстоятельная библиография, занимающая 10 стр. корпуса и 11 стр. петита, разбитая по главам.

Более элементарный характер имеет «Памятка о Пушкине», содержащая хронологическую канву жизни и творчества, очерк жизни и творчества, составленный Б. В. Томашевским, и статью В. Е. Евгеньева-Максимова «Пушкин и правительственная власть», а в приложении—несколько стихотворений о Пушкине и краткую биографию (Л., 1924, изд. Книжного сектора ГубОНО, 88 стр.). Такой же очерк Б. В. Томашевского помещен в одноименном издании Пушкина (Л., 1924, ГИЗ, стр. 7—15) и отдельной брошюрой («А. С. Пушкин», Л., 1927, ГИЗ, 32 стр.).

Живой, но поверхностный очерк жизни поэта в ее главнейших этапах дал Е. Н. Погожев («Отравленный Пушкин».—«Минувшие дни» 1928, февраль, № 3, стр. 67—88 и № 4, стр. 27—44). Интересный и очень субъективный, как все, что он писал, «опыт характеристики жизни» Пушкина дал Брюсов («Мой Пушкин», М., 1929, ГИЗ, стр. 9—24). Новую хронологическую канву жизни и творчества Пушкина, дополняющую старую работу Н. О. Лернера, дал М. А. Цявловский в «Путеводителе по Пушкину», составляющем 6-й том Собрания сочинений поэта в издании «Красной нивы» (М., 1931). Издание это содержит также ряд других биографических статей и заметок. Менее удачной следует признать хронологическую канву за 1833 г., составленную Л. Б. Модзалевским («Пушкин. 1833. Изд. Пушкинского общества». Л., 1933).

Свежую, хотя и беглую характеристику Пушкина дал Н. С. Ашукин («Живой Пушкин», М., 1926, «Литературная мозаика», М., 1931, стр. 1 сл.). В поставленных себе пределах автор просто и вдумчиво выполнил свою цель—«из большой картины жизни Пушкина собрать мелкие детали, рисующие внешний облик поэта, который видели его современники». Предварением этого очерка была статья «Каким же был Пушкин» («Огонек» от 14 июня 1925, № 25). Контур Пушкина-собеседника очерчен в предисловии к «Разговорам Пушкина» (ред. С. Я. Гессена и Л. Б. Модзалевского). Наружности Пушкина в связи с его иконографией посвящены статьи Э. Голлербаха «Образ Пушкина» («Кр. газ.», веч. вып. от 10 февраля 1927 г., № 37/1356) и «Пушкин в портретах» («Русское прошлое» 1923, кн. IV). Очень ценной является работа В. Я. Адарюкова «Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина» (М., 1926, 35 стр.). Популярный очерк со сводкой отзывов современников о портретах Пушкина дал Н. С. Ашукин в «Портретах Пушкина» («Красная нива» от 5 января 1930 г., № 1).

Не только узко биографическое значение имеет вопрос о Пушкине-читателе. И здесь мы располагаем только беглым очерком Ю. Н. Верховского «Пушкин-читатель» («Красная нива» 1928, № 7 от 12 февр.).

Любопытную работу проделал в этом отношении Я. Николаев («На лит. посту» 1927, № 5/6, стр. 43 сл.), пользуясь «Описанием библиотеки А. С. Пушкина».

Просмотр показал, что треть этой большой библиотеки составляли книги общественно-научного характера, при чем подбор их такой, какой мог сделать революционер того времени. Так в библиотеке Пушкина имелось до 50 мемуаров о французской революции 1789 г. «У кого из наших писателей найдется столько же о революции 1905 года?» спрашивает автор. А отметки и выписки Пушкина обнаруживают острый критицизм и общественно-прогрессивный ход его ассоциаций.

Специально чтениям Пушкина в Одессе посвящена работа М. П. Алексеева «Пушкин и библиотека Воронцовых» («Пушкин». Сб. Пушк. Комиссии при Одесском Доме Ученых, III, Од., 1927, стр. 92 сл.).

Из работ, посвященных социально-политической биографии Пушкина, минуя работы, трактующие вопрос об общественных позициях Пушкина не только в биографическом плане, отметим популярный очерк Н. К. Пиксанова «На пути к гибели. Пушкин сто лет назад» («Новый мир» 1931, кн. VII, стр. 157—169, полнее в книге «О классиках», М., 1933, стр. 9—42). Пиксанов изображает здесь эволюцию Пушкина исключительно упрощенно. В усадебном уединении Михайловского стали созревать органические основы дворянского самочувствия Пушкина, и он начинает переходить на сторону старого мира. С 1826 г. идет вступление его в столичную барскую жизнь, а через женитьбу—в великосветское общество. Он сближается с властью не за страх, а за совесть и без всякой внутренней драмы готов служить правительству. Однако давнее сближение с разночинческой интеллигенцией (на литературно-журнальной почве) делало Пушкина неспособным к слиянию, и это и привело Пушкина к гибели. В основном это верно, как схема, кроме отрицания драмы (и мучительной) в этом для Пушкина и кроме безоглядной готовности служить правительству. От «Записки о воспитании» до статьи о Радищеве взгляды Пушкина оценивались правительством как вредные и опасные, потому что они были либеральными. Нельзя замалчивать горьких высказываний Пушкина и его троератных попытки вырваться из тягостной зависимости. Некритично повторять легенду, будто Пушкин женился чуть ли не по расчету—если был расчет, то у матери невесты. Непонят факт обращения Пушкина к Бенкендорфу по поводу своего сватовства и позволения Бенкендорфа показать ответ, кому поэт сочтет нужным. Пушкин обратился через него к царю не «за разрешением жениться», а по настоянию Гончаровых, сомневавшихся в его гражданской полноправности.

Положение Пушкина при дворе обрисовано Щеголевым с присущим ему мастерством в статье «Пушкин о Николае I» («Дневник Пушкина», П., 1923, стр. XIII—XXVI), но почти исключительно на основании данных дневника Пушкина и в качестве комментария к нему. Поэтому ни углубленного анализа, ни широкого охвата вопроса статья не дает.

Очень полезной работой является превосходный очерк Б. Л. Модзалевского «Пушкин в донесениях агентов тайного надзора» («Былое» 1918, № 1 и отдельно, 59 стр., 2-е издание «Пушкин под тайным надзором», П., 1922, 56 стр., 3-е изд., Л., 1924, с указателем, 105 стр.), который хотя и не дает ни существенного анализа данных, ни полной исторической картины, однако на основании новых данных (из архива III Отделения) достаточно живо и обстоятельно рисует положение поэта как политически неблагонадежного и находящегося под неослабным подозрением и слежкой, несмотря на видимость царских милостей.

Значительное место в буржуазно-идеалистической пушкиниане занимают любовные увлечения Пушкина. Нового подхода в этой области еще нет. Между тем только выяснение условий, традиций и нравов любовного быта той среды, в которой вырос и вращался Пушкин, может показать особенности пушкинского поведения и объяснить многое в этой стороне его жизни. Показательно в этом отношении то впечатление «ошеломляющей» неожиданности (М. А. Цявловский, В. В. Вересаев), которое произвело на пушкинистов опубликование полностью дневника Вульфа. Это объясняется конечно прежде всего уже самим подходом к этим вопросам—ради истолкования пушкинской поэзии; биографическая проблема, как таковая, остается малоосознанной. В этом отношении типична книга П. К. Губера «Дон-жуанский список Пушкина» (Л., 1923, 279 стр.), представляющая обзор увлечений Пушкина по известному перечню, составленному поэтом. Работа эта, написанная не без блеска, остается только биографическим комментарием к «списку»—подлинной биографической установки нет, и понимания личности Пушкина хотя бы с этой специфической стороны не получается. Попытка установить серьезное чувство Пушкина к гр. Н. В. Кочубей представляется неубедительной.

Начавшийся задолго до революции спор об утаенной любви Пушкина между Щеголевым и Гершензоном (1908 г.) продолжался и позднее, при чем последний вынужден был уступить почти все свои позиции.

Другой предмет увлечения Пушкина—А. П. Керн—удостоился серьезного биографического очерка, написанного Б. Л. Модзалевским с присущей ему простотой и добросовестностью в развитие статьи в венгеровском издании Пушкина («А. П. Керн», М., 1924, 141 стр.).

По-новому подошел к отношениям Пушкина к Е. Н. Вульф В. В. Вересаев («Новый мир» 1927, кн. I, стр. 184—194—«В двух планах», 1929, стр. 80—96), который, будучи врачом по образованию, был подготовлен к тому, чтобы трезво смотреть на вещи и подметить в этой области намеки, которые оставались незамеченными. Основываясь на признаниях Вульфа, он приходит к мнению, что отношения Пушкина к Е. Н. Вульф были далеко не такие платонические, как это думали. Щеголев остался убежденным соображениями Вересаева и отстаивал традиционную точку зрения («Пушкин и мужики», 1930, стр. 42 сл.). Думается однако, что Вересаев ближе к действительности. Л. П. Гроссман сообщает со слов дочери Е. Н. Вульф (из вторых рук), будто мать оставила ей целую пачку писем Пушкина, запретив показывать их кому бы то ни было («Цех пера», 1930, стр. 257).

В истории пушкинских увлечений была страница, которая замалчивалась главным образом из идеалистического пизгета к Пушкину—связь с крепостной девушкой в с. Михайловском. Впервые эту тему поставил В. Ф. Ходасевич («Поэтическое хозяйство Пушкина», Л., 1924, 156 стр.), увидев в сюжете «Русалки» отзвук этой истории и высказав на этой основе предположение, что девушка действительно утопилась. Произвольность такого заключения вызвала справедливую отповедь Б. В. Томашевского («Русск. современник» 1924, № 3), сообщившего между прочим, что Щеголев нашел данные о благополучном существовании этой девушки в позднейшие годы. Возражал против метода догадок Ходасевича и В. В. Вересаев («Печ. и рев.» 1925, № 5/6, стр. 32 сл.—«В двух планах», стр. 34 сл.)¹⁸⁴. Сам Щеголев в статье «Крепостная любовь Пушкина» («Новый мир» 1927, № 10—«Пушкин и мужики», 1930, стр. 9—57, 89 сл., 100 сл.), относя воспоминание Пушкина и письмо Пушкина Вяземскому о той же девушке, заключает о длительности связи (с января 1825 до мая 1826 г.) и высказывает мнение о существенном и притом хорошем влиянии этой связи на Пушкина, находя отзвуки ее в стихах «Нашел я музу молодую Подругу дней моих невинную, простую, Но чем то милую» и в спокойной простоте «Бориса», а также в «народничестве» Пушкина этих лет. Эту девушку Щеголев открыл в дочери М. И. Калашникова (переведенного в Болдино на должность приказчика) на основании письма ее 1834 г., подписанного «известная вам». В. В. Вересаев отнесся с излишним недоверием ко всему построению Щеголева, считая недоказанным отнесение рассказа Пушкина и сообщения Пушкина к той же девушке («Новый мир» 1928, кн. 3—«В двух планах», 1929, стр. 179), хотя Щеголев пожалуй действительно слишком идеализирует эту любовь Пушкина и чисто импрессионистически связывает с нею характер поэзии Пушкина этого времени. Крайне резкий ответ Щеголева помещен в «Новом мире» 1928, № 5, последнее слово Вересаева—«В двух планах», стр. 199.

В новом издании своего исследования («Пушкин и мужики», М., 1930, стр. 43) Щеголев на основании податных списков с. Михайловского за 1810 г. устанавливает имя девушки (Ольга) и год ее рождения (1800). Это имя значится в дон-жуанском списке (в конце), но относилось обычно к Ольге Масон.

Новое освещение дает В. В. Вересаев отношения Пушкина к А. Ф. Закревской («Новый мир» 1927, кн. I, стр. 194 сл.—«В двух планах», стр. 97—102), угадав ее под прозвищем «княгини Нинь» в переписке Вяземского с Пушкиным и относя к ней признание Пушкина Хитрово о связи его с «особой умной, болезненной и страстной». Однако согласования этих данных с собственными отзывами Пушкина о своих отношениях к Закревской в письмах и в отрывке «Гости съезжались на дачу» Вересаев не дал¹⁸⁵.

Отдельную категорию составляют работы и публикации материалов, посвященные биографии лиц, так или иначе связанных с Пушкиным, поскольку эти издания служат уяснению их отношений с Пушкиным. Пушкиниана в этом отношении обычно не ставит себе грани. Из наиболее существенных укажем: С. Я. Штрайха «Друг Пушкина И. И. Пущин» («Парфенон», I, Л., 1922, стр. 71 сл., 2-е изд. М., 1927, 48 стр., 3-е изд. М., 1930, 134 стр.); В. И. Саитова «Соболевский друг Пушкина» (Л., 1922); Л. Крестовой «А. О. Смирнова» («Записки Смирновой», М., 1928, стр. 9—161); Б. Л. Модзалевского «Пушкин и Лажечкова» (А. Ф. Кони. Юбил. сб., Л., 1925, стр. 103 сл.—«Пушкин», стр. 95—122); А. С. Искоза-Долинина «Пушкин и Гоголь» (Пушкинский сб. памяти Венгерова, Л., 1923, стр. 181 сл.); Н. Ф. Бельчикова «Пушкин и Гнедич в 1832 г.» («Пушкин». Сб. Общ. Люб. Росс.

Словесности. М., 1924, стр. 177—201); Н. К. Замкова «Пушкин и Ф. Глинка» (ПиЕС, 29/30, 1918, стр. 78—97); М. П. Алексеева «Пушкин и Бестужев» (ПиЕС, 38/39, 1930, стр. 241—251); П. Зиссермана «Пушкин и Великопольский» (там же, стр. 257—280); Б. Л. Модзалевского «Пушкин и Корнильев» («Пушкин», 1929, стр. 421—130); А. де Рибаса «Пушкин и Ланжерон» («Пушкин». Сб. Пушк. Комиссии при Од. Думе Ученых, II, Од., 1926, стр. 32); его же ценные «Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина» (57 лиц) (там же, III, 1927 стр.); А. А. Сиверса «Семья Ризнич» (ПиЕС, 31/32, 1927, стр. 85—104).

Отметим еще работу Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись» (Л., 1932, изд. Ак. Наук; 87 стр., под ред. Л. Б. Модзалевского), заключающую перечень всех членов рода Пушкиных, начиная от легендарного родоначальника его Радши.

Основу изучения одной из важнейших сторон биографии Пушкина—материальных условий его существования—положил П. Е. Щеголев в статье «Материальный быт Пушкина» («Прожектор» 1929, № 11/181) и в книге «Пушкин и мужики» (М., 1930, 287 стр.), из которой отчетливо рисуется и сложное финансовое положение Пушкина, и образ Пушкина-помещика с его заботами и взглядами.

Нигде пожалуй не сказалось так сильно последовавшее после Октября раскрытие архивных тайников, как в вопросе о гибели Пушкина. Однако сказалось далеко не сразу. Своего рода монополистом в этом вопросе был П. Е. Щеголев (ум. в 1931 г.), которому еще задолго до революции удалось раздобыть и разыскать ряд важных документов из архива министерства иностранных дел, семейных бумаг Дантесов во Франции и др. Первоначальная работа его «Дуэль Пушкина с Дантесом. Новые материалы» («Ист. Вестн.» 1905, кн. 1, 3, 4—«Пушкин. Очерки», 1912, 2-е изд., СПб., 1913, стр. 307—402), развитая и дополненная новыми материалами (из собрания А. Ф. Онегина и др.), сообщениями иностранных послов, письмом Вяземского в кн. Михаилу Павловичу, черновыми редакциями письма Жуковского С. Л. Пушкину и его же письма Бенкендорфу, заметками Жуковского, выдержками из дневника А. И. Тургенева, биографией Дантеса, составленной его зятем, Метманом, и т. д., издана была незадолго до революции («Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы», ПиЕС, в. 25-27, 1916) и переиздана вторым (фактически пятым) изданием в 1917 г. (Пгр. изд. Пирожкова, 424 стр.). Это «исправленное» издание отличается от предыдущего тем, что дополнения, помещенные в приложениях, здесь введены в текст, документы приводятся только в переводе и указателя не приложено.

Обилие документов, собранных Щеголевым, внушало архивистам убеждение, что после его книги «на долю других остались второстепенного значения факты и эпизоды» (Поляков). Правда, М. А. Цявловский в отзыве об этой книге справедливо указывал, что «и теперь мы, в сущности, недалеко ушли от одного из ближайших свидетелей драмы, П. П. Вяземского, который, несмотря на страстное желание уяснить себе причины дуэли, решительно ничего понять не мог», так как Щеголев сузил задачу, рассматривая лишь ближайшие поводы дуэли и психологические предпосылки главных участников; на вопрос, кто и с какой целью разослал оскорбительный диплом на имя Пушкина, Щеголев не только не дал ответа, но даже не счел нужным дать анализ или хотя бы сводку данных, считая, что диплом явился лишь «случайным возбудителем»: не будь его, все равно Пушкин раньше или позже вышел бы из роли созерцателя. Остается непонятым также, что было ближайшим поводом рокового письма Пушкина Геккерну? А без этого вся эта история остается неясной («Голос Минувшего» 1917, кн. V, № 2, стр. 291). Но роман Н. Н. Пушкиной с Дантесом был настолько очевиден, а бешеная «африканская» ревность поэта настолько понятной, что эти вопросы казались действительно несущественными: любой пошляк мог сосрять анонимное письмо, малейший пустяк мог взорвать Пушкина. Геккерну же это письмо направлено потому, что Пушкин считал его автором диплома, а Геккерт мог его составить, чтобы расстроить невыгодную для него женитьбу Дантеса с Е. Н. Гончаровой, к которой блестящий кавалергард был вынужден, будучи застигнут Пушкиным в обстановке, дававшей мужу повод требовать объяснений.

Все это казалось вполне правдоподобным в психологическом освещении и превосходном изложении Щеголева.

Таким образом традиционное понимание драмы Пушкина было в пятый раз санкционировано как раз к началу революции. Неудивительно, что, несмотря на обнаружение новых и новых свидетельств, требовавших, казалось бы, иного освещения, пушкинизм никак не мог выбраться из круга, заколдованного авторитетом и талантом Щеголева.

Значительнейшей в этом отношении была публикация А. С. Полякова (ум. 4/X 1923) «О смерти Пушкина. По новым данным» (П., 1922, 115 стр.) и М. А. Цявловского «Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым со слов его друзей 1840—1850 гг.» (М., 1925, 140 стр.).

Первая содержала ряд новых документов из секретного фонда III Отделения, перечисленных выше и свидетельствовавших о чрезвычайной подозрительности и встревоженности правительства перед возможностью проявления общественного негодования вследствие смерти Пушкина и о стараниях полиции разыскать автора диплома. Хотя Поляков не задавался целью дать связанное исследование об обстоятельствах гибели Пушкина, а только анализ публикуемых им документов, самые эти документы ставили заново вопрос об авторе диплома. Поляков впервые дал описание его и графический анализ, приходя к выводу, что автором его не мог быть иностранец. Вместе с тем высказывала догадку, что Пушкин своим отношением к жене на людях хотел побудить Николая I вмешаться, Поляков приводит сводку данных об отношении царя к Н. Н. Пушкиной и о ревности Пушкина по этому поводу, и даже сообщает слух, докатившийся и до нас, что «император настойчиво ухаживал за Пушкиной». Таким образом Поляков в сущности уже имел в руках весь материал для того, чтобы сделать последний вывод, но высказать и истолковать его по-новому он был не в состоянии.

Небольшой сборник «Дуэль и смерть Пушкина. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина» (П., 1924, 136 стр.) прибавил не много нового. Б. Л. Модзалевский в статье «Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина» (стр. 13—50) привел новые свидетельства злости и бесчестности кн. П. В. Долгорукова, но заключение его, что поэтому именно Долгоруков был составителем диплома, явно нелогично. Интересен анализ сведений о загадочной записке Николая I к умирающему Пушкину (в существовании ее высказывал сомнение уже Щеголев), сделанный Ю. Г. Оксманом в статье «Апокрифическое письмо императора Николая к Пушкину» (стр. 51—72), с выводом, что подобная записка была, но обращена была не к Пушкину, а к лейб-медику Аридту, присланному царем для прочтения ее поэту¹⁸⁶. «Опыт графического анализа» диплома, произведенный Б. В. Томашевским («Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль Пушкину?», стр. 124—33), убедительно показал, что писавший его был русским.

Незначительные дополнения и поправки к сборнику были напечатаны в сб. «Атенеи» (1924, стр. 163 сл.).

Публикация М. А. Цявловского содержала между прочим много новых подробностей о дипломе и дуэли Пушкина, а также об ухаживаниях Николая I за женой поэта, и в примечаниях издатель дал обширную сводку других свидетельств об этом, но также остался в рамках издаваемого им материала и традиционного понимания, хотя впоследствии и сообщил, что уже годом раньше П. Е. Рейнбот высказывал ему предположение о связи Н. Н. Пушкиной с Николаем I («Красная нива» от 12 февраля 1928 г., № 7, стр. 2).

Как часто бывает в истории науки, новым взглядом на причины гибели Пушкина пушкиноведение обязано было дилетанту, свободному от власти традиции. Побужденный новыми материалами Полякова и Цявловского, он усмотрел в титуле, даваемом в дипломе Пушкину, — «коадьютора» (т. е. помощника) главы «ордена рогоносцев», в качестве которого диплом называет Д. Л. Нарышкина, мужа долголетней любовницы Александра I, — намек на связь жены поэта с Николаем I. Подтверждение тому он нашел в отзыве А. И. Тургенева о Пушкине «первый после Нарышкина» рогоносец («на душе писавшего или писавшей его, — добавляет он, — развязка трагедии; с тех пор Пушкин не мог успокоиться»). Догадка эта озарила новым светом и другие, давно известные документы. Тотчас по получении диплома Пушкин обратился к министру финансов с просьбой позволить ему уплатить «сполна и немедленно» выданные ему царем в виде ссуды 40 000 р. передачей в казну своего имения, стоившего в два раза больше, и с тем, чтобы сделать это без ведома Николая I, — очевидно ему было мучительно сознавать себя в денежной зависимости от царя после пущенной по городу грязной сплетни.

Позднее, сообщая Бенкендорфу о полученном им пасквиле, он писал, что «по форме, в которой он был составлен», он «убеделся с первого мгновения, что оно было от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата». Действительно только иностранец и человек высшего общества мог позволить себе такой намек на царя и способен был облечь его в такую затейливую и вместе с тем понятную в своем кругу форму. При этом получает объяснение и вызывавший некоторое недоумение самый факт обращения Пушкина к Бенкендорфу (т. е. к царю) с обви-

нением Геккерна в составлении пасквиля—нарек на Дантеса имел бы вполне частный характер и не мог бы побудить Пушкина к подобному официальному шагу. Получает оправдание и ряд намеков Вяземского и Тургенева на «адские козни», «адские сети», «гнусную западню», жертвой которых сделались Пушкины. Наконец и странное поведение Пушкина—двойственное, вызывающее на людях, может быть истолковано теперь как старание отвлечь внимание общества от нестерпимой клеветы. «Ценою своей жизни он стер наброшенную на него и жену позорную тень, шумом произведенного скандала заглушил шопот постыдной клеветы, своей кровью он написал тот текст этой драмы, который стал каноническим в его биографии» (Б. В. Казанский. «Гибель Пушкина».—«Звезда» 1928, кн. I, стр. 102—117).

Одновременно вышло в свет и новое, 3-е (фактически 6-е) «просмотренное и дополненное» издание «Дуэли и смерти Пушкина» П. Е. Щеголева (Л., 1928, 551 стр.). Но хотя с момента выступления М. А. Цявловского и самого П. Е. Щеголева прошло почти год, основной текст этого издания перепечатан был без всяких изменений сравнительно с изданием 1917 г., так что все изложение драмы Пушкина осталось тем же, что 12 лет назад. Автор ограничился только тем, что в приложениях расширил дневник Тургенева до пределов 25/XI 1836—20/III 1837 г. и ввел несколько документов, опубликованных Поляковым, а сверх того уже к сверстанной книге припечатал дополнительный IX отдел (стр. 435—515). В нем излагается толкование диплома как намека на связь Н. Н. Пушкиной с Николаем I на основании значения имени Нарышкина и данных об ухаживаниях Николая I за Н. Н. Пушкиной, дается подробная справка (стр. 443—450) о гр. Борхе, имя которого фигурирует в дипломе в качестве «непременного секретаря Ордена Рогоносцев» (из желания непременно найти в нем мужа любовницы в. кн. Михаила Павловича для полного комплекта любовников «по царственной линии», что вовсе не требуется, так как имя Борха в дипломе достаточно оправдано поведением его жены, о котором сообщает заметка Лонгинова, открытая П. Е. Рейнботом, да и к какой-либо связи с в. кн. Михаилом не приводит).

Письмо считалось по традиции адресованным Бенкендорфу. Б. В. Казанский высказал мнение, что Пушкин мог адресовать его и к Нессельроде, поскольку и сам числился по министерству иностранных дел и поскольку Геккерн был посланником. П. Е. Щеголев решительно отнес его к Нессельроде и пришел к убеждению, что Нессельроде не дал ему хода. С обнаружением гоф-фурьерской записи адресование этого письма Бенкендорфу является бесспорным.

Наконец П. Е. Щеголев делает попытку разобраться в обвинениях, направленных против кн. И. С. Гагарина и кн. П. А. Долгорукова еще современниками Пушкина, и не находит улик. Зато воодушевшись надеждами Соллогуба и Соболевского и попыткой III Отделения, он обратился к инспектору научно-техбюро ленинградского угрозыска А. А. Салькову с просьбой произвести графическое сличение почерка диплома с почерком Долгорукова, Гагарина, Дантеса и Геккерна. Сальков отождествил почерк диплома с почерком Долгорукова. По этому поводу приводится краткая родословная Долгорукова и пространная его биография (стр. 488—515). К книге приложен и протокол экспертизы А. А. Салькова (стр. 516—525)¹⁸⁷.

При всем доверии к этой экспертизе результат ее не может быть признан имеющим решающее значение; дело идет ведь о сличении не современных нам почерков, а отдаленных от нас 90-летней, а друг от друга 20—27-летней давностью. Притом же самый текст диплома написан условным шрифтом, а русский адрес написан, по отзыву современников, «лакейской» рукой.

В результате последнее издание этой капитальной работы Щеголева производит порою досадное впечатление. Превосходное изложение основного текста по существу оказывается зачеркнутым данными и выводами дополнительного отдела, о чем однако автор не предупреждает читателя, который убеждается в этом только под конец книги и притом не имеет возможности разобраться, в каких же моментах и в какой мере сохраняет значение основной текст. Между тем дополнительный отдел, загроможденный обширными экскурсами и изложенный с обычно несвойственной П. Е. Щеголеву недодетальностью и нечеткостью, что объясняется очевидно чрезвычайной спешкой, ограничивается только установлением толкования диплома как намека на связь Н. Н. Пушкиной с Николаем I, не делая из этого никаких выводов в отношении к драме Пушкина и даже не оговаривая этого. Между тем совершенно очевидно, что необходимо пересмотреть все данные заново с новой точки зрения и дать построение драмы Пушкина на основе иного понимания. Но это требовало большой, углубленной и кропотливой работы, а книга была уже набрана и сверстана.

Новое издание этой книги обнаружило чрезвычайно наглядно всю рискованность психологических соображений и толкований, которыми с таким мастерством оперировал П. Е. Щеголев. На протяжении немногих месяцев, в силу обнаружения новых фактов, ему пришлось в ряде случаев дважды и трижды менять свои объяснения и выводы на совершенно противоположные. Вместе с тем отчетливо обнаружились и результаты отсталости пушкинизма в отношении анализа источников, на которую уже указано в первом отделе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дневник Пушкина (под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева). П., 1923, ГИЗ, XXVI + 275 стр.
- ² Дневник А. С. Пушкина («Труды Гос. Румянцевского Музея», вып. 1). М., 1923, Гиз, VIII + 578 стр., 8 факсимиле.
- ³ Модзалевский, Б. Л., Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. П., Гиз, 1923, стр. 225 сл.
- ⁴ «Пушкин и его современники», вып. 36, 1923, стр. 29.
- ⁵ «Звезда» 1930, кн. VII, стр. 227 сл.
- ⁶ Виноградов, И. («Материалы Общества изучения Тверского края», 1925, кн. 3, стр. 17).
- ⁷ Ашукин, Н. С. («Лит. газ.» от 7/VI 1929, № 7).
- ⁸ Модзалевский, Л. Б. («Звенья», кн. I, 1932, стр. 50).
- ⁹ Цявловский, М. А. («Голос минувшего» 1922, кн. II, стр. 122, сл.—«Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Баргеновым», М., 1925, изд. Сабашниковых, 140 стр. сл.).
- ¹⁰ Гроссман, Л. П., Устная новелла Пушкина. К спору о Пушкине и гр. Фикельмон («Этюды о Пушкине», М., 1923, стр. 77 сл. Собрание сочинений, I, М., 1928, стр. 80 сл.).
- ¹¹ Лернер, Н. О., Рассказы о Пушкине. Л., 1929, Гиз, стр. 125 сл.
- ¹² Эфрос, А. М. («Лит. газ.» от 15/VII 1930, № 29/66 и «Рисунки поэта», М., 1930, изд. «Федерация», стр. 7—64 и 262—361).
- ¹³ Лернер, Н. О. («Книга и революция» 1921, 1/13, стр. 80 сл.; «Кр. газ.», веч. вып., 9/XII 1921; «Кр. газ.», веч. вып., 10/II 1927, № 38/1356; «Кр. нива» 7/IV 1929, № 15; «Кр. панорама» 29/III 1929, № 13, «Рассказы о Пушкине», стр. 123), ср. также Зильберштейн, И. С., Из бумаг Пушкина («Б-ка «Огонька» М., 1926, № 102).
- ¹⁴ Лернер, Н. О. («Былое» 1924, № 21).
- ¹⁵ Ук. соч., стр. 320.
- ¹⁶ Щеголев, П. Е. («Огонек» от 13/II 1927, № 7/203).
- ¹⁷ Цявловский, М. А. («Пушкин и его современники», вып. 38/39, Л., 1930, стр. 213 сл.).
- ¹⁸ «Пушкин». Сб. памяти Венгерова. П., 1923, стр. 13 сл.
- ¹⁹ Звенигородский, А. («Лит. газ.» от 27/V 1929, № 6).
- ²⁰ Бельчиков, Н. Ф. («Кр. архив» 1928, № 29/4, стр. 222 сл.), полнее—Цявловский, М. А. («Пушкин и его современники», вып. 38/39, 1930, 216 сл.).
- ²¹ Модзалевский, Б. Л. («Декабристы и их время», I, Л., 1928, стр. 11—51).
- ²² Оксман, Ю. Г. («Памяти П. Н. Сакулина», М., 1931, стр. 163, прим. 1).
- ²³ Там же, стр. 164, прим. 1.
- ²⁴ Гершензон, М. О., Статьи о Пушкине. Л., 1926, стр. 111 сл.
- ²⁵ Модзалевский, Б. Л. («Кр. газ.» от 11/II 1927, № 34—«Пушкин», 1929, стр. 82), полностью—Сиверс, А. А. («Пушкин и его современники», вып. 37, 1928, стр. 134 сл.).
- ²⁶ Вейнберг, А. Л. («Московский пушкинист», кн. II, 1930, стр. 55 сл.).
- ²⁷ Модзалевский, Б. Л., Пушкин. Л., 1923, стр. 84 сл.
- ²⁸ Измайлов, Н. В. («Памяти декабристов», кн. I, Л., 1926, изд. Академии Наук, стр. 1—99); ср. Г. Прохоров (Лит.-худ. сборник «Красной панорамы», 1929, февр.).
- ²⁹ Георгиевский, Г. П. («Декабристы», Л., 1926, стр. 18 сл.).
- ³⁰ Модзалевский, Б. Л. («Литературные портфели», кн. I, П., 1923, стр. 63 сл.).
- ³¹ Гофман, М. Л. («Сборник Пушкинского дома на 1923 г.», стр. 78 сл.).
- ³² Модзалевский, Б. Л. («Литературные портфели», I, П., 1923, стр. 70 сл.).
- ³³ Чернышев, В. («Изв. Гос. Русс. Географич. Общества», 60, 2, 1928, стр. 327 сл.).
- ³⁴ Нечкина, М. В. («Каторга и ссылка», 4/65, М., 1930, стр. 21).
- ³⁵ Там же, стр. 28.
- ³⁶ «Записки декабриста Н. И. Лорера», под ред. М. Н. Покровского, приготовила к печати и комментировала М. В. Нечкина. М., 1931, Соцэкгиз, 448 стр.

- ³⁷ Нечкина, М. В. («Каторга и ссылка», 4/65, М., 1930, стр. 8 сл.).
- ³⁸ Модзалевский, Б. Л., Пушкин. Л., 1929, стр. 346.
- ³⁹ Шилов, А. («Былое» 1918, № 2/30, стр. 67 сл.).
- ⁴⁰ Модзалевский, Б. Л., Пушкин. Л., 1929, стр. 348.
- ⁴¹ Там же, стр. 93.
- ⁴² Модзалевский, Б. Л. («Былое» 1918, № 1—«Пушкин в донесениях агентов тайного надзора 1826—1830», Л., 1918, «Пушкин под тайным надзором», СПб., 1922, 3-е изд., Л., 1926, к—во «Атеней».
- ⁴³ Костомаров («Кр. архив», 37, 1929, стр. 237 сл.).
- ⁴⁴ Измайлов, Н. В. («Памяти декабристов», кн. I, Л., 1926, стр. 146 сл.).
- ⁴⁵ Цявловский, М. А. («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым», М., 1925, изд. Сабашниковых, стр. 24—49).
- ⁴⁶ Гершензон, М. О., Статьи о Пушкине. Л., 1926, стр. 111 сл.
- ⁴⁷ Беляев, М. Д. («Пушкин и его современники», вып. 31/33, 1927, стр. 35—48).
- ⁴⁸ Фессалоницкий, С. А. («Материалы Общества изучения Тверского края» VI, 1927, стр. 20).
- ⁴⁹ Боровкова-Майкова, М. С. (Лит.-худ. сб. «Красной панорамы», 1929, ноябрь, стр. 47 сл.). Н. Лернер высказал предположение, что загадочные пять щепочек, которые Вяземский хранил в своем столе, были подобраны им во время прогулки в крепости на память о повешенных; см. «Каторга и ссылка» 1931, кн. 6, стр. 179.
- ⁵⁰ Козмин, Н. К. («Сборник Пушкинского дома на 1923 г.», П., 1922, стр. 33 сл.).
- ⁵¹ Виноградов, А. К., Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 18.
- ⁵² Пиксанов, Н. К. («Современник» 1925, I, 127 сл.).
- ⁵³ Достоевский, А. А. («Пушкин и его современники», 37, 1928, стр. 145 сл.).
- ⁵⁴ Цявловский, М. А. («Звезда» 1930, № 7, стр. 231 сл.).
- ⁵⁵ Глинка, С. Ф. («Пушкин и его современники», вып. 31/32, Л., 1927, стр. 105 сл.).
- ⁵⁶ Модзалевский, Л. Б. («Звенья», кн. I, 1932, стр. 51, прим. 1).
- ⁵⁷ Цявловский, М. А. («Голос минувшего» 1917, № 11/12).
- ⁵⁸ Цявловский, М. А. («Пушкин и его современники», вып. 38/39, 1930, стр. 222 сл.).
- ⁵⁹ Пигарев, К. (там же, вып. 37, 1928, стр. 152 сл.).
- ⁶⁰ Модзалевский, Б. Л., Пушкин. Стр. 421 сл.
- ⁶¹ Виноградов, А. К., Мериме в письмах Соболевскому. Стр. 32.
- ⁶² Голицын, Н. В. («Московский пушкинист», кн. II, 1930, стр. 59 сл.).
- ⁶³ Цявловский, М. А. («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым», стр. 540).
- ⁶⁴ Зиссерман, П. («Пушкин и его современники», вып. 38/39, 1930, стр. 176).
- ⁶⁵ Цявловский, М. А. (там же, стр. 225 сл.).
- ⁶⁶ Шимкевич, К. А. (там же, вып. 31/32, 1927, стр. 111 сл.).
- ⁶⁷ Цявловский, М. А. («Рассказы о Пушкине, записанные П. А. Бартевым», стр. 29 сл.).
- ⁶⁸ Шимкевич, К. («Пушкин и его современники», вып. 29/30, 1918, стр. 34 сл.).
- ⁶⁹ Щеголев, П. Е. (изд. «Ленинград», 1924, № 11/27).
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Поливанов, И. («Искусство» 1923, № 1, стр. 323).
- ⁷² Там же, стр. 321 сл.
- ⁷³ Бем, А. («Пушкин и его современники», вып. 29/30, 1918, стр. 33).
- ⁷⁴ Щеголев, П. Е. («Московский пушкинист», кн. II, стр. 184 сл.).
- ⁷⁵ Щеголев, П. Е. («Пушкин и его современники», вып. 38/39, 1930, стр. 252 сл.).
- ⁷⁶ Виноградов, А. К., Мериме в письмах Соболевскому. Стр. 47.
- ⁷⁷ Поливанов, И. («Искусство» 1923, № 1, стр. 315 сл.).
- ⁷⁸ Щеголев, П. Е., Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд., Л., 1928, Гиз, стр. 51 сл.).
- ⁷⁹ Там же, стр. 59.
- ⁸⁰ Щеголев, П. Е. (изд. «Ленинград», 1924, № 11/27.—«Моск. пушк.», II, стр. 184 сл.).
- ⁸¹ Модзалевский, Л. Б. («Звенья», кн. I, 1932, стр. 55).
- ⁸² Ашукин, Н. С. («Звенья», кн. II, М., 1932, стр. 235 сл.).
- ⁸³ Цявловский, М. А. («Рассказы о Пушкине, записанные Бартевым», 1925, стр. 21 сл.).
- ⁸⁴ Кони, А. Ф. («Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук», 1917, III, «Пушкин, Достоевский», 1921, П., стр. 46 сл.).
- ⁸⁵ Шапошников, Б. В. («Искусство», IV, 1/2, 1928, стр. 153 сл.).
- ⁸⁶ Щеголев, П. Е. («Звезда» 1930, VII, стр. 233 сл.).
- ⁸⁷ Модзалевский, Б. Л. («Пушкин», 1928, стр. 351 сл.).

- ⁸⁸ Якушкин, Е. («Декабристы на поселении». Из Архива Якушкиных, под ред. С. Бахрушина и М. Цявловского, изд. Сабашниковых, М., 1926, стр. 142 сл.).
- ⁸⁹ Эгтингер, П. («Московский пушкинист», кн. II, М., 1930, 241 сл.); ср. заметку Н. О. Лернера «Новое о Пушкине» («Кр. газ.», веч. вып., 18/XI 1928, № 318).
- ⁹⁰ Поляков, А. С., О смерти Пушкина. П., 1922, стр. 9.
- ⁹¹ Там же, стр. 13 (2 факсимиле).
- ⁹² Модзалевский, Б. Л., Пушкин. Стр. 374 сл.
- ⁹³ Щеголев, П. Е., Дуэль и смерть Пушкина. Стр. 106, прим. 1; Л. П. Гроссман («Кр. нива», кн. VII, № 24, стр. 11, 9/VI 1929).
- ⁹⁴ «Письма Пушкина к Хитрово», Л., 1920, стр. 200.
- ⁹⁵ Рейнбот, П. Е. (Щеголев. ДиСП³, стр. 448 и прим.).
- ⁹⁶ Цявловский, М. А. («Дуэль и смерть Пушкина. Новые материалы», 1927, стр. 87, 91 сл., 93 сл.).
- ⁹⁷ Протасьева, В. А. («Дела и дни», П., 1920, стр.).
- ⁹⁸ Щеголев, П. Е., Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд., Л., 1928, стр. 272—300 (в предыдущем издании только за время 27/I—7/II 1837 г.).
- ⁹⁹ Кошкина, Е. Н. («Московский пушкинист», кн. I, 1930, стр. 33 сл.).
- ¹⁰⁰ Голицын (там же, стр. 24).
- ¹⁰¹ Поляков, А. С., О смерти Пушкина. Л., 1922, стр. 17.
- ¹⁰² В переводе этого письма фраза «te font dire bien des choses, elles s'interessent toutes les deux à nous et chaudement» неверно передана: «тебе расскажут о многом; one обе горячо интересуются нами» вместо «протая передать тебе кучу [милых] вещей; one обе принимают в нас участие, и горячее». А. Щеголев, доверившись этому переводу, дополняет «о многом [в этом темном деле]» и заключает отсюда о причастности графини Нессельроде к составлению оскорбительного диплома Пушкину (ДиСП³, стр. 464).
- ¹⁰³ Там же, стр. 53.
- ¹⁰⁴ «Новый мир» 1931, № 12, стр. 188 сл.
- ¹⁰⁵ Поляков, А. С., О смерти Пушкина. 1922, стр. 30 сл.
- ¹⁰⁶ Лернер, Н. О. («Кр. газ.», веч. вып., стр. 240, 1910).
- ¹⁰⁷ Саводник, В. Ф. («Московский пушкинист», кн. I, 1930, стр. 49 сл., 58 сл.).
- ¹⁰⁸ Цявловский, М. А. («Дуэль и смерть Пушкина. Новые материалы», 1924, стр. 111 сл.).
- ¹⁰⁹ Виноградов, А. К., Мериме в письмах к Соболевскому. Стр. 71.
- ¹¹⁰ Прохоров, Г. («Кр. нива» от 12/II 1928 г., № 7).
- ¹¹¹ Цявловский, М. А. («Кр. архив», № 33, 1929, стр. 224 сл.).
- ¹¹² Вейнберг, А. Л. («Звенья», кн. I, 1930, 72 сл.).
- ¹¹³ Там же, стр. 73.
- ¹¹⁴ Цявловский, М. А. («Памяти П. Н. Сакулина», М., 1931, стр. 306 сл.).
- ¹¹⁵ Там же, стр. 309 сл.
- ¹¹⁶ Крестова, Л. («Московский пушкинист», кн. I, 1930, стр. 42).
- ¹¹⁷ Афанасьев, Г. («Пушкин и его современники», вып. 31/32, 1927, стр. 119 сл.).
- ¹¹⁸ Модзалевский, Л. Б. («Огонек» 1929, № 6/306).
- ¹¹⁹ Шалошиков, Б. В. («Искусство», кн. IV, 1/2, 1928, стр. 155 сл.).
- ¹²⁰ Афанасьев, Г. («Пушкин и его современники», вып. 31/32, 1927, стр. 122).
- ¹²¹ Цявловский, М. А. («Кр. архив», № 33, 1929, стр. 227).
- ¹²² Модзалевский, Л. Б. («Звенья», кн. I, 1932, стр. 55).
- ¹²³ Модзалевский, Б. Л. («Пушкин и его современники», вып. 28, 1917, стр. 112 сл.).
- ¹²⁴ Цявловский, М. А. («Дуэль и смерть Пушкина», 1924, стр. 97).
- ¹²⁵ Он же («Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым», стр. 62 сл.).
- ¹²⁶ Там же, стр. 38 сл.
- ¹²⁷ Гроссман, Л. П. («Кр. нива», кн. VII от 9/VI 1929 г., № 24, стр. 10 сл.).
- ¹²⁸ Бем, А. («Пушкинский сборник памяти Венгерова», 1923, стр. 198 сл.).
- ¹²⁹ Лернер, Н. О. («Кр. нива» 1928, № 38; «Рассказы о Пушкине», 1929, стр. 199 сл.).
- ¹³⁰ Шницер, С. М. («Дуэль и смерть Пушкина. Новые материалы», 1924, стр. 127 сл.).
- ¹³¹ Лернер, Н. О. («Кр. газ.», веч. вып. от 20/VII 1928 г., № 198).
- ¹³² Цявловский, М. А. («Московский пушкинист», кн. I, стр. 27 сл.).
- ¹³³ Щеголев, П. Е. («Искусство» 1929, кн. III, стр. 39 сл.).
- ¹³⁴ Виноградов, А. В. (ук. соч., стр. 72).
- ¹³⁵ Бельчиков, Н. Ф. («Кр. архив» 1928, 29/4, стр. 222).
- ¹³⁶ Поливанов, И. («Искусство», кн. I, 326 сл.).
- ¹³⁷ Поляков, А. С., О смерти Пушкина. Л., 1922, стр. 36 сл.

- ¹³⁸ Там же, стр. 47 сл.
¹³⁹ Там же, стр. 46.
¹⁴⁰ Там же, стр. 26 сл.
¹⁴¹ Там же, стр. 28 сл.
¹⁴² Щеголев, П. Е., ДиСП³. 1928, стр. 506 сл.
¹⁴³ Модзалевский, Б. Л. («Дуэль и смерть Пушкина», 1924, стр. 20 сл.).
¹⁴⁴ Барсуков, М. И. («Звенья», кн. I, М., 1932, 84 сл.).
¹⁴⁵ Гольцев, В. («Московский пушкинист», кн. I, стр. 17).
¹⁴⁶ «Огонек» 1928, № 24, стр. 4.
¹⁴⁷ Щеголев, П. Е., ДиСП³, стр. 450.
¹⁴⁸ Гроссман, Л. П., Вокруг Пушкина («Б-ка «Огонек», № 386). М., 1928, стр. 28 сл.
¹⁴⁹ Щеголев, П. Е. (ук. соч., стр. 59, прим. 4).
¹⁵⁰ Якушкин, Е. («Московский пушкинист», кн. II, 1932, стр. 267).
¹⁵¹ Сербский, Г. («Пушкин». Сб. Пушкин. Комиссии при Думе ученых, Од., 1925, стр. 49 сл.).
¹⁵² Поливанов, И. («Искусство» 1923, кн. I, стр. 313 сл.).
¹⁵³ Нечаева, В. («Кр. архив», № 28, 1928, стр. 231 сл.).
¹⁵⁴ Щеголев, П. Е., Пушкин и мужики. 1930, стр. 130.
¹⁵⁵ Виноградов, А. К., Мериме в письмах к Соболевскому. Стр. 48.
¹⁵⁶ Нечаева, В. («Московский пушкинист», II, 1930, стр. 106 сл.).
¹⁵⁷ Щеголев, П. Е. («Кр. нива», кн. VII, № 24 от 9/VI 1929 г., стр. 7 сл.); ср. также Беляев, М. Д., Квартира, где умер Пушкин. Л., 1929, стр. 6.
¹⁵⁸ Модзалевский, Л. Б. («Звенья», кн. II, стр. 241 сл.).
¹⁵⁹ Поливанов, И. («Искусство», кн. I, стр. 326 сл.).
¹⁶⁰ Щеголев, П. Е. («Кр. нива», кн. VII, № 24 от 9/VI 1929, стр. 8 сл.).
¹⁶¹ Щеголев, П. Е., Пушкин и мужики. М., 1930.
¹⁶² Щеголев, П. Е., Пушкин и мужики.
¹⁶³ Оксман, Ю. Г. («Пушкин». Сб. Пушк. Комиссии Од. Дома Ученых, Од., 1925, I, стр. 7 сл.).
¹⁶⁴ Нечаева, В. («Московский пушкинист», кн. I, 1927, стр. 68 сл.).
¹⁶⁵ Шестериков, С. (Л., 1931, изд. «Academia»).
¹⁶⁶ Эйхенбаум, Б. М. (Л., 1928, изд. «Academia»).
¹⁶⁷ Чуковский, К. И. (Л., 1927, 2-е изд. 1927 г., 3-е изд. 1928, изд. «Academia»).
¹⁶⁸ Иванов-Разумник, Р. В. (Л., 1928, изд. «Academia». XXXII+568 стр.).
¹⁶⁹ Римский-Корсаков, А. Н. (Л., 1930, изд. «Academia»).
¹⁷⁰ Верховский, Ю. Н. (Л., 1929, изд. «Academia»).
¹⁷¹ Казанский, Б. В. с участием Ю. А. Нелидова, Ю. Г. Оксмана, Н. С. Цемша (Л., 1930, изд. «Academia», 2 тт.).
¹⁷² Щеголев, П. Е. (Л., 1929, изд. «Федерация»).
¹⁷³ Зильберштейн, И. С. (там же, стр. 31—122 и 387—416).
¹⁷⁴ Римский-Корсаков, А. Н. («Записки Глинки», 1930, стр. 452 сл.).
¹⁷⁵ Гинзбург, Л. Я. (Л., 1929, «Изд. писателей»).
¹⁷⁶ Крестова, Л. В. (М., 1929, изд. «Федерация», 447 стр.).
¹⁷⁷ Щеголев, П. Е. (Л., 1924, Гиз).
¹⁷⁸ Сыроечковский, Б. (1925).
¹⁷⁹ Штрайх, С. (М., 1925, изд. Общ. Политкаторжан, 318 стр.).
¹⁸⁰ Штрайх, С. (М., 1928, изд. «Федерация», т. I—II).
¹⁸¹ «Книга воспоминаний о Пушкине» с примеч. А. А. Лапина и П. С. Шереметева, М., 1931, изд. «Мир», 383 стр.
¹⁸² Установление адресования этого письма Давыдову, подсказанное М. А. Цявловским, сделано М. Светловой («Московский пушкинист», кн. II, М., 1930, стр. 155).
¹⁸³ М., 1924, 2-е изд., в том же году 3-е изд.
¹⁸⁴ См. также Щеголев, П. Е., Пушкин и мужики. М., 1930, стр. 55 сл.
¹⁸⁵ В. В. Вересаеву возражала М. Д. Боровкова-Майкова, считающая прототипом «княгини Нины» гр. Е. М. Завадовскую (см. «Звенья», вып. III—IV. М.-Л., 1934; там же ответ В. В. Вересаева, продолжающего отстаивать свою гипотезу).
¹⁸⁶ Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что упоминание об этом в печати было санкционировано министром двора по особому запросу Цензурного комитета в 1846 г. («Нов. мат. о дуэли и смерти», 1924, стр. 70 сл.).
¹⁸⁷ Отзыв М. А. Цявловского «Николай I и дуэль Пушкина» («Кр. нива» 1928, № 7).